

Илья Остапенко

Наследъница

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Владимирович Остапенко

Наследница

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70594498
SelfPub; 2024*

Аннотация

История одной интеллигентной семьи, в которой еёстаршей представительнице, а именно бабушке, нехватает внимания и заботы. Каждый член семьи занятсвоим делом, и у никого нет времени для пожилогоболеющего человека. В один прекрасный день бабушкастановится наследницей состояния в 190 млн евро.Находясь в неутешительном состоянии здоровья, она самарешает также завещать свое вновь приобретенноесостояние тому члену семьи, который будет лучше всехотноситься к ней все оставшееся при её жизни время. Впогоне за наследством между членами семьи возникаетжесткая и беспощадная конкуренция с западнями иподставами.При помощи бурной фантазии бабушки всем членам семьипредстоит череда веселых испытаний, а также встретитьсяна своем пути супер-конкурента – профессиональногожигало, совладать с наемным убийцей и договориться скорруммированной полицией. Всё это в погоне заогромным наследством в головокружительной комедии.

Илья Остапенко

Наследьница

Субботний теплый вечер, красивый уютный дом, просторная кухня, за столом большая семья. Счастливая успешная семья, в которой царят уважение, любовь и все, казалось бы, построено на искренних отношениях.

Глава семьи – Вячеслав Викторович, начальник управления образования, почтенный человек и порядочный чиновник, не подвержен коррупции и честно исполняет свои должностные обязанности и предписания – во благо городу и образованию. Его жена – Марина Павловна, заведующая детским садиком, добрая и благопристойная женщина, которая начинала свою карьеру, работая воспитателем, и доросла до руководителя. Со своим будущим мужем она познакомилась, когда тот приезжал с проверкой в детский сад и был поражен порядком и чистотой в нем. Их старший сын Евгений – предприниматель, который занимается несколькими направлениями бизнеса одновременно с переменным успехом. Ему тридцать лет. Младшая, но уже не маленькая дочь, Юлия, считает себя светской, она – начинающий коуч в сфере отношений мужчин и женщин. Юлии только что исполнилось двадцать пять лет. И их бабушка и мама Марины Павловны – Ирина Викторовна – милое создание, прошла Великую Отечественную войну, побывав в плену и познав все

страхи того времени, а ныне она пенсионерка, которая живет в просторном и красивом доме почти показательно-образцовой семьи Ивановых. Ну как живет в красивом доме – по выходным только иногда или раз в месяц, а так коротает свою жизнь в одиночестве в маленькой и такой же старенькой, как она, квартирке.

У всех свои дела, хлопоты, а по выходным Ивановы устраивают семейные ужины и ведут себя нарочито заботливо друг с другом, постоянно упоминая пословицы, что не в деньгах счастье и деньги не самое главное в жизни. Однако в такой, казалось бы, идеальной семье бабушка испытывает нехватку внимания от близких и переживает по поводу своих болезней, одна из которых прогрессирует последнее время и тяжело отражается на ее состоянии.

Вот и сейчас за столом сидят как всегда веселые члены семьи, они обмениваются своими историями и впечатлениями от прошедшего дня. Евгений рассказывает, какие новые бизнес-направления он придумал, Вячеслав Викторович, подчеркивая, что разбирается во всех темах на свете, внимательно слушает и советует, как поступить лучше. Юлия показывает свежие видео, какие она записала на днях, и хвастается количеством новых подписчиков. Марина Павловна делится своими планами: в детском садике нужно сделать ремонт, поставить новые окна и навести чистоту в подсобных помещениях. Бабушка сидит молча и наблюдает за этим прекрасным семейным симбиозом, но спустя какое-то время

все-таки пытается вставить слово в общую беседу и рассказать свою историю.

– А вот у нас на войне было так... – начинает говорить она.

– Да знаем, мама, как у тебя было на войне, – перебивает ее Марина Павловна. – А потом ты попала в плен.

– Да-да, – добавляет Юлия. – И там, в плену, ты была прислугой каким-то немецким фабрикантам, и глава семьи, который был в тебя влюблен, с уважением относился к тебе.

– Да, знаем, бабушка, – улыбается Евгений, – тысячу раз слушали эту историю.

– А может, и две, – хохочет Юлия.

– Не смейтесь над бабушкой, – вмешивается Вячеслав Викторович, – она такое прошла, что нам бы лучше и не знать. – Он берет бутылку в руки, собираясь подлить теще коньячку. – Будете еще? – учтиво спрашивает мужчина у Ирины Викторовны.

– Да, грамм пятьдесят, и все, – с грустью произносит бабушка. – Вот ты, Юля, смеешься, а этот Герхард, кстати, одежду какую-то шил для немцев, любил меня и, когда война закончилась, предлагал мне, чтобы я осталась там жить, готов был бросить семью.

– Так надо было остаться, – усмехается Евгений.

– Ну ты же знаешь, Женя, бабушка не такая, – говорит Марина Павловна. – Мама, она родину любит и патриот, тем более вас бы тогда и не было бы тоже, а были бы какие-ни-

будь Фриц и Эльга, живущие в Берлине. Да и тогда бы я не встретила моего любимого Славу! – И, накладывая добавку мужу, женщина ласково треплет его за щечку.

– Он мне подарил на прощание одну старинную вещь, – вновь подает голос бабушка, – она очень ценная.

– Да знаем мы про эту вещь, – перебивает Юлия. – Я уже загуглила: это никому не нужная безделушка с блошиного рынка того времени, стоимость ноль. Видно, и такая же любовь у него была к тебе.

И семья вновь начинает обсуждать свои будни.

– Да, завтра совещание в мэрии, – говорит Вячеслав Викторович. – Женя, не хочешь подъехать? Я бы познакомил тебя с одним из вице-мэров.

– А с кем? С этим Николаевичем или как его?.. – хмурится Евгений. – Он такой беспонтовый, только воздух гоняет, никаких шагов реальных: не понимаю, как у вас там дела делаются, одни болтуны.

Бабушка еще несколько раз пытается что-то рассказать в этот вечер, но ее явно никто не хочет слушать. Внуки лишь перебивают старушку и указывают, что все это им и так уже известно, при этом с упоением слушают главу семьи и его истории из энциклопедии «Я все знаю».

– Мама, добавку будешь? – интересуется Марина Павловна у Ирины Викторовны.

– Буду, – отвечает та и, взяв добавку, отдает ее сидящей под столом собаке. Поглаживая ее, шепчет: – Одна ты меня

слушаешь и любишь.

На следующий день все разъезжаются по своим делам, перед этим доставив бабушку в ее квартиру.

После обеда Ирина Викторовна звонит внуку Евгению, тот весь в своих делах, поднимает трубку и, не дав бабушке сказать слово, торопливо говорит:

– Я перезвоню! Ба, я занят сильно!

Бабушка набирает номер внучки, но та, снимая очередное видео, не отвечает на звонки. Ирина Викторовна звонит дочери: она берет трубку, на заднем фоне слышен плач детей и то, как Марина разносит одну из воспитателей, отчитывая ее за косяки.

– Не могу говорить, мама, вечером позвоню тебе, – выпаливает Марина Павловна и продолжает ругать воспитательницу: – Ну как так можно, Ингрига, где тебя такому учили!

Бабушка, набравшись терпения, звонит Вячеславу Викторовичу: тот на совещании, смотрит на высветившийся номер и так же не берет трубку, продолжая общаться с чиновниками мэрии.

Дождавшись вечера, Ирина Викторовна начинает снова звонить всем по очереди, и опять никто не отвечает ей. Она, плохо разбираясь в меню телефона, умудряется-таки написать СМС своей дочери: «Задыхаюсь, не могу дышать, все в дыму, срочно приезжайте». И отправляет сообщение. Марина Павловна, прочитав это, звонит Евгению.

– Женя, поезжай к бабушке, у нее ЧП какое-то, дым в

квартире, – просит она сына.

– Снова? – недовольно спрашивает Евгений. – Ну, мама, я не могу: у меня еще встреча запланирована.

– Женя, срочно отправляйся! – настаивает Марина Павловна.

Евгений отменяет встречу и мчится к бабушке. Поднимаясь на пятый этаж и задыхаясь, он звонит в дверь, но Ирина Викторовна долго не открывает. Евгений начинает настойчиво тарабанить в дверь, и лишь через несколько минут она наконец отворяется: из квартиры идет дым.

– Что такое, бабушка? Что случилось? – с волнением спрашивает Евгений.

– Снова эти наркоманы пытались меня отравить, – жалуется Ирина Викторовна.

– Ну какие наркоманы? Ты опять за свое, бабуля? Я же уже ходил к твоим соседям, там нет никаких наркоманов, там нормальные люди живут, – увещевает старушку внук.

– Ну сходи еще раз, – просит та, – они мне жизни не дают.

После продолжительных уговоров бабушки Евгений соглашается с ней и с недовольным лицом спускается по лестничной клетке, звонит в дверь, ему открывают очень даже приличные соседи: семейная пара, у женщины ребенок на руках.

– Извините, а сегодня случайно у вас нет дыма в квартире? – спрашивает Евгений с виноватым видом.

– Сегодня, как и в прошлый раз, дыма у нас так же нет, – раздраженно отвечает глава семейства. – Мы устали вам повторять одно и то же: ни наркотиков, ни возгораний в нашей квартире не имеется. Последний раз просим не беспокоить нас и настоятельно советуем провести беседу с вашей бабушкой, она снова на этой неделе вызывала к нам милицию.

– Снова? – удрученно произносит Евгений.

– Да, снова. Нет жизни от нее, у нее что, нехватка заботы и внимания? Почему она так себя ведет и именно нас выбрала в качестве своей жертвы? – возмущается сосед.

– Извините, пожалуйста, еще раз... Я поговорю с ней обязательно, – обещает супругам Евгений.

Вернувшись к бабушке, он видит, что у той черная сажа на лице, Ирина Викторовна в полуобморочном состоянии.

– Ну что, разобрался, Женечка? – слабым голосом спрашивает женщина.

– Бабушка, послушай меня, пожалуйста, – говорит Евгений. – Хватит кошмарить соседей: там наркоманов нет. И перестань вызывать милицию к ним.

– Но они там ацетон парят весь день, вонь идет страшная, я задыхаюсь, они меня отравить хотят, точно тебе говорю!

Это перед тобой они такие как бы порядочные, но это коварные люди, Женечка! Ты хорошо их проверил? Я напишу еще одно заявление в милицию. И в ФСБ тоже! – лепечет Ирина Викторовна.

– Бабушка, не надо! Только не ФСБ! Им и так есть чем заниматься, да и мне тоже, и милиции, в которой я был уже дважды. Все, пожалуйста, походи умойся, и я поехал.

– Подожди, дорогой, накапай мне успокоительного, пожалуйста, – просит бабушка.

Женя достает валерьянку и начинает капать ее в стакан.

– Нет, не этих капель, вон тех, – указывает бабуля на бутылку коньяка. – Доктор говорит, по пятьдесят миллилитров в день можно – для поддержания давления.

Накапав коньяку, Евгений собирается уходить, Ирина Викторовна протягивает ему пятьсот рублей.

– Бабушка, зачем, ну зачем ты мне даешь деньги каждый раз? – протестует внук. – У меня и так все в порядке и в достатке. Оставь, пожалуйста, себе.

– Ну купи конфеток, – настаивает бабушка.

– Все, ба, я поехал. Пожалуйста, не отрывай меня от важных дел, больше я не приеду по таким просьбам, – говорит Евгений и покидает квартиру Ирины Викторовны.

Вечером семья за ужином обсуждает бабушку.

– Да когда уже это все прекратится?! – жалуется Евгений. – Сегодня снова пропустил важную встречу из-за бабушкиных выходов.

– А ты не бери трубку, как я, – советует ему Юлия, рассматривая в телефоне новых подписчиков.

– Я тоже не смог ей ответить, – оправдывается Вячеслав Викторович. – Может, предложим бабушке переехать к нам? – продолжает он.

– Слав, ты шутишь? Ты уже предлагал это трижды, – отвечает Марина Павловна.

– И ты трижды отказывалась, – напоминает Слава.

– Ну потому, что ты это несерьезно говоришь, – продолжает Марина. – Ты своих родителей раз в год навещаешь, и я помню, как ты говорил, что нам и самим не хватает пространства для личной жизни. Этих бы еще сплавить скорее в свободное плавание, – посматривает на детей Марина.

– Мама! – восклицает Юлия. – Я и так уже самостоятельная, сама себе зарабатываю.

– Да, зарабатываешь – на косметику максимум, – говорит Марина, – а остальное кто тебе все покупает? А?

Юлия, опустив голову, смотрит в телефон.

– Ну все равно, скоро я буду миллионером: у меня уже десять тысяч подписчиков, – важно заявляет девушка.

– Ага, накрученных, – ехидничает Евгений. – В общем, я больше к бабушке не поеду, если ее будут травить так называемые наркоманы. Бедные люди, сочувствую им.

– Видимо, у бабушки недостаток внимания, – констатирует Вячеслав Викторович.

– Да все у нее в порядке, – говорит Марина. – Наверное, это возрастное. Восемьдесят два как-никак, может, немного не в себе уже.

– Все она в себе! – возмущается Евгений. – К подруге вон собралась лететь в Казахстан на следующей неделе, заказала билеты по телефону на пенсию свою. Кое-как успел их отменить: куда ей лететь одной с таким здоровьем.

– Да... В общем, надо с бабушкой что-то делать, – вздыхает Марина, – как-то ей мозги вправлять.

– Это точно, – соглашается Вячеслав Викторович и с ап-

петитом быстро ест.

На следующий день бабушка снова всем звонит, но так же безуспешно: ей или вовсе не отвечают, или, взяв трубку, обещают перезвонить, однако так и не делают этого.

Ирина Викторовна по телефону разговаривает со своей подругой Серафимовной, жалуется на своих родственников, мол, те не уделяют ей должного внимания и попросту игнорируют, так же сетует на свое здоровье, дескать, у нее неутешительный диагноз и, видимо, ей недолго осталось.

– Даже и не знаю, кому из них завещать свою квартиру, – вздыхает женщина.

– Да можешь не завещать, она и так по закону перейдет твоей дочери, – говорит ей подруга.

– Тогда оставлю лучше приюту или кому-нибудь еще, чтобы никому из моих родственников не досталась, – заявляет Ирина Викторовна.

Она пытается подговорить Серафимовну, чтобы та позвонила Марине, разжалобила ее и рассказала, как одиноко ее маме и что у нее случился очередной приступ. Но подруга наотрез отказывается.

– Ты меня в свои интриги не впутывай, сама звони, – категорично говорит Серафимовна.

После этого Ирина Викторовна набирает номер своей дочери и притворяется, что у нее смертельный приступ.

– Доченька, прощай! Вызывай мне скорую: плохо мне,

ухожу я... – трагическим голосом шепчет она и кладет трубку.

Марина в шоке вызывает неотложку и звонит остальным членам семьи, чтобы те срочно отправлялись к бабушке. Все приезжают к ее дому, бегут на пятый этаж вместе с работниками скорой. Открывают дверь: на полу лежит Ирина Викторовна. Родственники начинают прощаться с ней, кто-то плачет, доктор меряет пульс, давление, делает кардиограмму, но у пациентки все в норме.

– Показатели отличные... – в недоумении констатирует врач скорой помощи.

Женщина открывает глаза и с испуганным видом смотрит на своих близких. Те, склонившись над ней, начинают причитать.

– Ирина Викторовна, вам что, делать нечего? Вы зачем так поступаете? Зачем симулируете свои приступы? Хотите нас самих до инфаркта довести? – расстегивая рубашку, жалобно возмущается вспотевший Вячеслав Викторович.

– Ба, ну ты даешь! – восклицает Юлия. – Все, мои дорогие, отбой, – тут же говорит она в телефон, проводя прямой эфир со своими подписчиками. – Бабушка жива, все у нее

нормально, – сообщает девушка.

– Бабуля, зачем ты так? – спрашивает взволнованный Евгений. – Я снова на встречу не попал!

И Ивановы начинают сердиться на бабушку, наезжая на нее по-серьезному.

– Больше нам не звони! Как тебе не стыдно? Совсем из ума выжила! – вырывается у Марины Павловны.

Ирина Викторовна принимается плакать и причитать:

– Ну а как мне еще привлечь ваше внимание? Вы совсем не заботитесь обо мне, раз в месяц берете на свой ужин в дом и там меня не слушаете... У всех свои дела, проблемы, а как же я? Я же тебя, доченька, все твое детство на руках носила, а вас, внуки дорогие, еще больше баловала и любила. И теперь вы все постоянно заняты непонятно чем, все корчите из себя деловых, счастливых людей, а когда я умру, так сразу забудете про меня через день, если не в тот же.

– Тоже скажешь, мама! – гневно говорит Марина. – Как мы не заботимся о тебе, вон всегда на связи с тобой, звоним всегда!

– Когда всегда? Раз в неделю, по выходным, узнать – жива я или нет? – возмущается бабушка. – Внучка даже не помнит, когда у меня день рождения, внук за продуктами раз в неделю если ходит, и то хорошо. Все дела свои у каждого, все за деньгами своими гонитесь, а как же я?..

– Ну какие деньги, мама? – возражает Марина. – Ты же знаешь, что деньги не главное в нашей жизни.

– Да, это точно! – хором поддерживают ее остальные Ивановы.

– Все, мы поехали. Прошу тебя очень – не чуди так больше. Созвонимся на днях, – говорит Марина, и все семейство спешно покидает квартиру бабушки.

Проходит неделя. Ирина Викторовна сидит одна дома, ждет звонка своих родственников, но тщетно: телефон молчит. Она смотрит телевизор – сериал про счастливое американское семейство, где такая же бабушка, как Ирина Викторовна, только богатая, умерла, и все ее родственники собрались в ожидании оглашения завещания. Женщина смотрит фильм с восторгом и плачет.

Проходит еще одна неделя. Родственники снова забирают бабушку к себе в дом, снова ужин, снова разговоры о них самих, о работе, снова никому нет дела до Ирины Викторовны – она сидит грустная и подкармливает собачку под сто-

лом. Пытается вставить слово, но женщину никто не слушает. Раздается звонок в дверь. Марина Павловна открывает: на пороге стоит солидный мужчина в костюме.

– Здравствуйте! Здесь живет Марина Павловна Иванова? – спрашивает визитер.

– Да, – отвечает Марина. – Что вы хотели?

– Вы дочь Ирины Викторовны Ивановой? – продолжает мужчина, открывая папку в своих руках.

– Да, – подтверждает женщина. – А в чем, собственно, дело? Она снова вызывала милицию и жаловалась на соседней?

– Нет, – говорит гость. – Я нотариус, у меня поручение от моего зарубежного коллеги относительно вашей матери.

– Что за поручение? – с волнением произносит Марина.

– Да вы не переживайте. Можно я пройду? – спрашивает мужчина.

– Да, конечно, входите, – растерянно отвечает хозяйка. Нотариус проходит в дом и предстает перед всей семьей.

– А где Ирина Викторовна? – интересуется мужчина.

– Вот она, – говорит Марина, указывая на бабушку. Гость представляется:

– Меня зовут Игнат Эльдарович Эйзеншпиц, я нотариус Ленинградского района, номер лицензии... – и он называет ее номер. А затем продолжает: – Тут такое дело: на меня вышел мой коллега из Германии, некий Вольф Штраус, он утверждает... Точнее, после присланных им документов, подлинность которых я проверил, выяснилось, что ваша мама, Ирина Викторовна Иванова, является наследницей по завещанию очень известного в Германии гражданина – Герхарда Босса, учредителя фирмы «Хьюго Босс».

– Герхард! – вскрикивает бабушка и с волнением хватается за сердце, открыв рот.

– Так вот, – невозмутимо говорит нотариус, – это письмо от Герхарда, которое он завещал вскрыть после своей смерти и когда найдут Ирину Викторовну, а также документы, которые я принес, а именно: завещание на ее имя и чек на предъявителя в Дойче-банке – ее дочерняя фирма «Райффайзен-банк». Герхард Босс оставил очень крупную сумму в виде наследства Ирине Викторовне, а конкретно – сто девяносто миллионов евро в облигациях и других ценных бумагах.

Все члены семьи молчат, потрясенные услышанным.

– Завещание вступает в силу через месяц, – поясняет нотариус. – А пока я уполномочен вручить Ирине Викторовне чек на предъявителя на сумму пятьдесят тысяч евро, чтобы она смогла поехать в Германию, вступить в права по завещанию и покрыть все нотариальные и прочие расходы.

Мужчина передает письмо Ирине Викторовне, и она вскрывает конверт. Там на одной странице написано послание. Женщина, прекрасно зная немецкий, начинает читать письмо шепотом. Вячеслав Викторович, также владеющий этим языком, повторяет за тещей чуть громче. Идет синхронный перевод.

«Дорогая моя Ирина! Я любил тебя всю свою жизнь. К сожалению, многие обстоятельства не дали мне возможности найти тебя и предложить тебе свою любовь. Мои семейные и бизнес-обязательства препятствовали этому. Кроме того, я выяснил, что ты вышла замуж за Иванова Николая Петровича: я не хотел рушить вашу семью, как и свою. Отношения между нашими странами после войны были также большой преградой. Я знаю, как ты любила свою страну, и знаю, что ты никогда бы не переехала в Германию. Моя же семья недостойна всех моих сбережений, поэтому я решил завещать тебе основную часть своего капитала. У меня нашли страшную болезнь, и мне осталось не так много. Насколько мне известно, ты живешь и здравствуешь в городе Калининграде, бывшем Кенигсберге. Откуда ты сможешь быстро приехать в Германию для вступления в права по завещанию. Также я знаю о твоей прекрасной семье, за которой я наблюдал все эти годы. Я уверен, что твои близкие относятся к тебе лучше, чем мои ко мне: им только и нужны были мои деньги. Я делаю это потому, что не хочу оставлять ни копейки этим алчным людям под названием «моя семья». Ты моя любовь,

ты мой лучик света в этом темном царстве лицемерия и лжи. Надеюсь, ты распорядишься наследством мудро, и этот капитал поможет тебе и твоей семье, но помни о том, что это всего лишь деньги и не в них счастье. Крепко обнимаю тебя и люблю! Твой Герхард».

Бабушка дочитывает письмо и плачет.

– Герхард, значит, ты любил меня по-настоящему, раз совершил такой поступок, – резюмирует, вытирая слезы, Ирина Викторовна. – Да, а вот какая у меня семья – по-настоящему я и не знаю... – говорит она и смотрит на своих родственников, которые пребывают просто в шоке, но тем не менее взирают на бабушку с нежными и добрыми улыбками.

Нотариус передает Ирине Викторовне папку с документами, чек и просит ее расписаться в их получении.

– Вам нужно на днях заехать к нам в офис, там будет еще ряд документов, которые передал мне мой коллега из Германии. Сможете? – спрашивает нотариус.

– Конечно сможем! – хором отвечают все члены семьи, посмотрев на бабушку.

– Конечно смогу, – эхом отзывается Ирина Викторовна. А затем уже более твердым голосом произносит: – Я заеду к вам завтра же. В принципе, мне помощь не нужна, – говорит она, глядя на своих родственников, которые не сводят с нее глаз, полных любви.

На следующий день жизнь Ирины Викторовны сильно изменилась. С утра ей по очереди позвонили все члены семьи, и каждый предлагал помощь в поездке к нотариусу, но бабушка вежливо отказывалась, произнося неизменную фразу:

– Спасибо, я поеду сама. Хочу эту неделю побыть одна, подумать над всем этим.

Вечером на семейном ужине Ивановы обсуждали эту ситуацию.

– Невероятно, – говорила Юлия, – разве такое может быть, что немец оставил все бабуле и его семья никак не может претендовать на эти деньги?

– По немецким законам, насколько я знаю, – умничал Вячеслав Викторович, – завещание это основной документ по наследственным делам, и можно хоть собачке все отписать – воля усопшего будет исполнена.

– А у нас как-то по-другому? – волновалась Марина Павловна.

– У нас по закону после смерти человека все переходит его детям, супругу или супруге и родителям, они первые, кто претендуют на наследство, – продолжал просвещать жену и детей Вячеслав Викторович.

– Мы же еще не хороним бабулю! – возмущался Евгений.

– Ну конечно нет, мы просто обсуждаем законы, – говорил Вячеслав Викторович. – Мы желаем нашей бабуле долгих и счастливых лет жизни, так ведь?

И все члены семьи вторили ему хором:

– Конечно, мы желаем нашей бабулечке долгих и счастливых лет жизни.

– Мы же дружная и счастливая семья и любим друг друга, – резюмировала Марина Павловна.

И Ивановы принялись ужинать.

Прошла неделя. Бабушка не выходила на связь и никому по-прежнему не звонила. Зато каждый член семьи по очереди звонил ей.

– Бабуля, тебе не нужно продукты привезти? – волновался Евгений.

– Нет, спасибо, дорогой, я заказала себе еду из ресторана «Кавказ», ну такие вкусные у них шашлыки, внучек! – отвечала Ирина Викторовна.

– Бабуля, может, пойдем погуляем? – предлагала ей Юлия, которая практически никогда не звонила бабушке.

– Мам, ну ты там как? Может, на этих выходных приедешь к нам? – беспокоилась Марина Павловна.

– Не знаю, – отвечала бабуля, – мы на этих выходных с Серафимовной идем на концерт Стаса Михайлова, я взяла билеты на первый ряд, какие-то vip-места.

– Ирина Викторовна, может, обследование вам сделаем? Давно не проходили тесты в больнице, надо бы о здоровье

подумать, – волновался Вячеслав Викторович, звоня из своего кабинета.

– Спасибо, Слава, я чувствую себя превосходно, – говорила женщина. – Купила себе витамины и много БАДов, как Малышева посоветовала.

– Ну и отлично, мы ждем вас на этой неделе к нам в гости, – продолжал Вячеслав Викторович.

– На этой не могу, я Марине уже говорила, – отвечала Ирина Викторовна.

На выходных бабуля так и не приехала. Зато она нагрянула в дом семьи в понедельник без предупреждения, позволив лишь, когда находилась у ворот, и попросила их открыть. Ирина Викторовна заехала на роскошном «майбахе» ко входу дома, и водитель помог ей достать какие-то красивые коробки из багажника. Бабушка в модных и ярких брендовых одеяниях, с шикарной прической предстала на пороге. Близкие, открыв рты, уставились на нее.

– Mamochka, ты ли это? – с улыбкой воскликнула Марина Павловна.

– Вау, бабуля! Где ты достала GUESS? – восторженно спросила Юлия.

– Где-где? В Караганде! – ответила Ирина Викторовна. –

В молле новом, в бутике «Мультибренд», конечно же.

– Ну вы и красотка! – восхищенно добавил Вячеслав Викторович.

– Ладно, вы мне зайти дадите? – продолжила бабуля. – Сашенька, заноси коробки, не стой там, – сказала она водителю «майбаха», и они зашли в дом, положив многочисленные коробки и пакеты на пол в холле.

– Это я вам подарочки привезла, – пояснила Ирина Викторовна.

– Да, подарочки?! – обрадовались члены семьи.

– Ну проходи, мама, сейчас накроем на стол, – сказала Марина Павловна.

– Ой, спасибо, дочка, я не голодна – только-только из ресторана, – ответила бабуля.

– Бабушка, а где ты взяла деньги на все это? – спросил Евгений. – Ты же еще не вступила в наследство.

– Да вот решила обналичить чек этот, на пятьдесят тысяч евро, тот самый, что на расходы, – ответила Ирина Викторовна. – Это же тоже расходы. Мы с нотариусом прикинули

– там на все и так хватит, еще и останется половина, и я захотела побаловать себя и вас, мои дорогие.

Бабушка зашла в зал, села в кресло, достала новый айфон и принялась показывать фото с концерта Стаса Михайлова.

– Вот мы с Серафимовной на выступление ходили. Потрясающе! Стасик такой милый, а как поет – бог просто! – стала рассказывать Ирина Викторовна.

Все с изумленными лицами обступили ее, чтобы получше рассмотреть снимки.

– У тебя новый айфон? – удивилась Юлия.

– Да вот решила поменять телефон, на нем такие красивые фото получаются, а мой старый, Женин бывший телефон, совсем плохенький был, снимки размазанные, нечеткие выходили, – пояснила бабуля. И продолжила: – Ну ладно, присаживайтесь. Женя, распаковывай коробки, теперь буду и вас радовать.

И Женя принялся разбирать пакеты, в которых находились многочисленные подарки для всех членов семьи. Это были и дорогие вещи, и разные офисные принадлежности, ручка «Паркер» для Вячеслава Викторовича, модная одежда для Юлии и Марины Павловны, кожаный чемоданчик для Евгения и много разных приятных мелочей. Все радовались как дети.

– Спасибо, бабуля! – восторженно повторяли домочадцы.

Успокоившись, они присели на диван.

– Ну, бабуля, ты нас и удивила! – говорил то один, то другой родственник Ирины Викторовны.

– Да, спасибо, мои дорогие! – отвечала бабуля. – Надо брать от жизни все, тем более мое самочувствие не из лучших, была у врачей на неделе, провела обследование, по совету Славы, спасибо тебе, Слава, кстати.

Вячеслав мило улыбнулся в ответ, понимающе кивнув.

– Так вот, – вновь заговорила Ирина Викторовна. – Результаты обследования неутешительные, моя хроническая болезнь обострилась и сильно прогрессирует. Врач сказал, долго не протяну, хотя и не назвал точных сроков. Даже с моими новыми финансовыми возможностями он ничего особо сделать не сможет, максимум – обезболить меня в случае необходимости и немного продлить мою жизнь. Вот так, мои дорогие.

– Как печально, бабуля... – начали расстраиваться все члены семьи.

– Может, все-таки можно будет что-то сделать, когда в Германию поедем с тобой? Там обратимся к врачам, там же такая медицина, одна из лучших в мире, – предложила Ма-

рина Павловна.

– Да, по поводу Германии: я поеду туда с моим нотариусом, он обо всем позаботится, – сказала бабуля. – Мы уже с ним все обсудили, тем более у вас так много дел, не хочу вас отвлекать от них.

– Да, что ты, бабуля, главное – твое здоровье, – наперебой заговорили все родственники.

– К тому же я не была в Германии! – восторженно добавила Юлия, любуясь новыми вещами.

– Не нужно, мои дорогие, не хочу вас отвлекать, – решительно произнесла бабуля. – Тут вот какое дело: я подумала и все тщательно взвесила за эти дни.

– Что взвесила? – всполошились Ивановы.

– Я так же, как и Герхард, хочу оформить завещание, раз уж мои дни сочтены, – ответила Ирина Викторовна. – Хочу подготовить его со своим нотариусом и оставить все... – Бабуля задумалась.

Все замерли в ожидании – кого же именно назовет Ирина Викторовна. Каждый улыбался, думая, что сейчас прозвучит его имя.

– Хочу завещать все тому, кто будет лучше других относиться ко мне, – заявила бабуля. И лица ее родственников тут же поменялись: теперь они смотрели на бабушку с полным непониманием.

– Мы что, плохо к тебе относились, мама? – первая с удивлением спросила Марина Павловна.

– Бабушка, ну ты чего? – в один голос воскликнули Женя и Юля.

– Мы же тебя любим. А продукты, что я тебе покупал? – напомнил Женя.

Один Вячеслав Викторович стоял и задумчиво молчал.

– Да, – продолжила бабуля, – мне кажется, что вы недостаточно хорошо и внимательно ко мне относились в последние годы, а особенно в этом месяце, такого я не ожидала от вас. И это мое окончательное решение. Я тщательно проработала этот вопрос со своим нотариусом и в последние дни своей жизни скажу ему, чье имя нужно будет внести в уже составленное нами завещание. Так что – вот так. Ладно, мне ехать пора, дети мои, меня там Серафимовна ждет, будем в лото играть с соседями, я им стол сегодня накрываю. Юленька, внученька, вызови мне, пожалуйста, лухари-такси «Май-

бах», – с ударением на второй слог сказала бабуля.

Когда Ирина Викторовна уехала домой, члены семьи, помолчав несколько минут, принялись обсуждать услышанное.

– Вот бабуля чудит, – сказал Женя, – я лично не собираюсь перед ней приплясывать.

– Да я тоже, – буркнула Юлия.

– Ну конечно, мы не будем перед ней пресмыкаться, будем, как и раньше, дарить ей нашу любовь и внимание без излишества, мы дружная семья и не собираемся конкурировать друг с другом ради бабушкиных прихотей, – добавила Марина Павловна.

Один Вячеслав Викторович все так же сидел и задумчиво молчал.

– Ну, что ты молчишь, Слава? – спросила у него Марина Павловна. – Ты что думаешь обо всем этом?

– Не знаю, мне нужно почитать законы о наследстве и еще кое-какие документы... – ответил Вячеслав Викторович. – А вообще, конечно, не будем мы соперничать за бабушкино внимание, это глупо и нелепо. Лично у меня очень много важных дел в мэрии и распорядок расписан поминутно, так что я пас играть в бабушкины игры.

– Мы тоже, – согласились все члены семьи и пошли спать.

Утром следующего дня бабушке первым позвонил Вячеслав Викторович.

– Здравствуйте, Ирина Викторовна, а что вы делаете сегодня? – спросил он тещу. – Я взял выходной в министерстве и решил его провести с вами.

– Да ничего особенного, Слава, сию Малахова смотрю, вчера проигралась в лото соседям – сегодня без «Майбаха» буду, – засмеялась бабуля.

– Ну и отлично, я скоро буду у вас, поедем погулять в парк, там ваши любимые коврижки пекут, помните? – добродушно спросил Слава.

– Да, Слава, я с удовольствием, хорошо, что ты помнишь об этом, заезжай, – ответила женщина.

– Да я как раз уже тут рядышком, подъезжаю к вам, скоро поднимусь, помогу вам спуститься! – обрадовался Вячеслав Викторович.

– Ой, Слава, дай мне пятнадцать минут, мне нужно собраться, – всполошилась бабуля.

– Да-да, конечно! Не спешите, я подожду в подъезде, –

сказал Вячеслав Викторович.

Через сорок пять минут красиво одетая и накрашенная бабуля открыла двери своей маленькой квартиры и увидела на площадке Вячеслава Викторовича в костюме и с огромным букетом цветов.

– Ну что ты, Слава, не нужно было... Какие прелестные цветы! – смутилась Ирина Викторовна.

– Ваши любимые розы, – широко улыбаясь, подчеркнул Вячеслав Викторович.

– Сейчас поставлю их в вазу. Ох, а у меня же и нет таких ваз даже, где бы банку найти? – озабоченно произнесла бабуля.

– А я и вазу привез, – заботливо ответил Вячеслав Викторович, доставая из-за спины коробку с вазой.

– Какой же ты внимательный, Слава, – сказала бабушка и пошла ставить цветы.

Вячеслав Викторович посмотрел на свой телефон, где было множество пропущенных звонков из администрации и от Марины Павловны. Бабуля наконец снова вышла, и они с Вя-

чеславом Викторовичем отправились в парк, весь день гуляли по нему, кушая в разных кафе.

– Давай-ка, в этот раз я заплачу, – предложила бабуля своему зятю в одном из заведений.

– Ну что вы, Ирина Викторовна, какая мелочь! Разрешите мне вас угостить, – галантно ответил Вячеслав Викторович.

– Да ладно, Слава, я теперь могу себе это позволить, – настаивала женщина.

– Не стоит. Мне приятно это делать самому, – продолжал гнуть свою линию Вячеслав Викторович, поглядывая на телефон со множеством пропущенных звонков.

– А что, Слава, у тебя совсем нет дел на работе? Как тебя так отпустили, не пойму, ты же такой занятой человек, – заинтересовалась бабушка.

– Да я же сам себе начальник, что хочу, то ворочу, – засмеялся Вячеслав Викторович. – Главное – это с близкими быть, тем более после новости о вашем неутешительном диагнозе хочется побольше времени проводить с вами. К сожалению, остальные члены семьи, увы, этого так и не поняли. Кстати, можно я посмотрю ваш диагноз? Я же в медици-

не тоже разбираюсь, показал бы ваши анализы еще и своим врачам в управлении, послушал бы и их мнения, может, они чего умного скажут. Вы, главное, не переживайте: я уверен, мы найдем, как победить ваш недуг. Ирина Викторовна, вы нам нужны здоровой, полвека еще как минимум, – улыбаясь и взяв тещу за руку, сказал Вячеслав Викторович.

– Конечно, покажу, Слава, свой диагноз, но я была у лучшего специалиста в городе, думаю, никого лучше даже и в области нет, разве что действительно в Германии еще обследоваться в какой-нибудь клинике, – ответила бабуля.

– Кстати, Ирина Викторовна, вы подумайте, я бы мог поехать с вами в Германию, я и язык знаю хорошо, и многое другое, – предложил Вячеслав Викторович.

– Я подумаю, Слава, – улыбнулась женщина.

Раздался телефонный звонок. Ирина Викторовна посмотрела на экран своего айфона: звонила ее дочь.

– Здравствуй, мамуля, как ты, дорогая? Я хотела бы сегодня провести день с тобой и вечером пригласить тебя в ресторан, – ласково сказала Марина.

– Ой, доченька, у меня уже изжога от этих ресторанов, не привыкла я к ним, так часто туда ходила всю неделю. Так что

я пока на домашней еде Тем более мы тут со Славой в кафе парка мои любимые коврижки едим, – ответила бабуля.

– Да, со Славой? – удивилась Марина. – А я думала, он на совещании, трубку не берет.

– Нет, ты что! Он взял выходной, и мы с ним проводим чудесно время, – сказала Ирина Викторовна. Слава скривил лицо и опустил глаза.

– Да? Ты, главное, много сладкого не ешь, мамочка, у тебя же сахар повышен, помнишь? Дай мне Славу, пожалуйста, поговорю с ним.

И бабушка передала свой новый айфон Вячеславу Викторовичу, который с удивленным лицом и улыбкой как ни в чем не бывало взял трубку.

– Слава, ты это чего? – возмущенно спросила Марина Павловна. – Я тебе полдня звоню, ты не отвечаешь... И что ты делаешь с мамой? У тебя же совещания важные должны были быть целый день?

– Да мэр сегодня заболел, все отменили, – попытался оправдаться Вячеслав Викторович. – Я приеду расскажу тебе все, там столько нового в мэрии у нас! Ладно, мы с Ириной Викторовной скоро уже домой едем, я ее пригласил к нам, но она снова занята своими делами. К тому же я хотел узнать

у нее про диагноз, который мы с тобой обсуждали, волнуясь за нее, хотел показать медкарту Ирины Викторовны нашим врачам из образования... В общем, я скоро буду дома, увидимся, – поспешил он закончить разговор и положил трубку.

– Все нормально? – спросила бабуля.

– Да, все хорошо, – ответил Вячеслав. – Марина передает вам привет и тоже переживает за вас.

– Ну хорошо, что все хорошо, – сказала Ирина Викторовна и передала зятю довольно большой счет, который только что принес официант за заказ в кафе.

Они целый день ходили по парку, и ближе к вечеру Вячеслав отвез бабушку домой, поднимаясь к ее дверям, он снова спросил про диагноз. Ирина Викторовна сказала, что найдет бумаги и пришлет фото. Зять обнял ее, поцеловал в щеку и сказал:

– Так хорошо погуляли! Кстати, завтра я тоже абсолютно свободен, давайте придумаем, как еще можно чудесно провести время?..

– Я тебе позвоню, – с безразличием ответила бабуля и захлопнула дверь.

Улыбка спала с лица Вячеслава Викторовича, и он угрюмо пошел вниз. Вечером дома его ждала разборка с супругой.

– Ну и почему ты трубку не брал? Ты же вчера сказал, что не будешь в ее игры играть? – наседала с претензиями Марина Павловна.

– Да я решил проверить ее диагноз для начала и там по документам наследственным пробить информацию, – оправдывался Вячеслав Викторович. – Ты же знаешь, я всегда с тобой, а бабушка у нас такая, сама понимаешь, надо бы ее прощупать, что она там задумала.

– Ага, всегда он со мной, – продолжала возмущаться Марина, – так же, как ты тогда с этим завучем школы шуры-муры крутил, тоже проверял ее на предмет исполнения обязанностей. Слава, смотри у меня, если что не так – развод и девичья фамилия. А мама немного покапризничает, и в итоге все мне достанется, я ведь первая, кому положено наследство.

– Да, конечно, дорогая, ты права: ты первая и в наследстве, и в моей жизни, – продолжал оправдываться Вячеслав. – Только если она правильно составит свою дарственную или завещание, то ты можешь и без ничего остаться, я тут советовался с юристами – таких прецедентов множество в нашей стране, поэтому, если бабушка не шутит, то все может быть.

– Ну а кому ей еще все оставлять, своей Серафимовне,

что ли? – усмехнулась Марина.

– Вообще-то детям нашим, например, Юле или Женьке, – ответил Вячеслав. – Они сразу спустят все подчистую, любые суммы, Женья у нас коммерсант еще тот. Да и Юлька хороша... А может, Ирина Викторовна и вовсе оставит наследство любимым незнакомым людям: по-моему, она на нас в обиде.

– Тоже скажешь, Юле, – хмыкнула Марина Павловна. – Они с Женькой и не шевелятся: как не нужна была им бабушка тогда, так и не нужна сейчас, они же дети еще.

– Да-да, дети, – согласился Вячеслав Викторович и, обняв жену, задумался.

– Ты же меня не предашь? – спросила Марина.

– Ну конечно нет, – ответил Вячеслав и посмотрел на свой телефон, где была эсэмэска от бабушки. Марина тоже хотела взглянуть, но муж отвернул ее голову к себе и поцеловал. – Все, дорогая, пошли спать.

Перед сном он посмотрел сообщение. Ирина Викторовна писала: «Слава, спасибо за прекрасный день, завтра жду тебя снова». И улыбнувшись, Вячеслав Викторович зевнул и быстро заснул.

Ранним утром следующего дня бабушку разбудил звонок в дверь, настойчивый, непрекращающийся. Она медленно прошла в коридор, посмотрела в глазок: на пороге стояла Юлия с шарами и цветами. Бабушка открыла дверь и увидела радостную внучку, которая снимала все происходящее на телефон.

– Привет, любимая бабуля! Мы в утреннем прямом эфире, – сказала Юлия. – Я показываю все своим подписчикам. Зацените, мои дорогие, это моя самая любимая на свете бабушка, я принесла ей ее любимые цветы – ромашки.

– Вообще-то мои любимые цветы – розы, – сказала грустно бабушка и продолжила: – Ну что, мои дорогие подписчики, заходите ко мне в гости, посмотрите, как я живу. Как раз сегодня Юлия, моя внученька любимая, обещала мне и вам показать, как она умеет убирать, наводить чистоту, а также продемонстрирует, как варит вкусный борщ. Да, Юлия? Дорогая внучка, заходи! Веник, пылесос и тряпка тебя уже ждались.

Юлия открыла рот, не понимая, в чем дело. Бабушка же просто протянула ей все принадлежности для уборки, взяла из рук Юлии телефон и продолжила снимать происходящее.

– Ну вообще-то я планировала, что мы с моей любимой бабулечкой поедem по модным бутикам и покажем, как сегодня одеваются светские львицы, – попыталась перехватить инициативу Юлия.

– Ну, может, позже и поедem, – улыбнулась бабушка. – А пока – уборка и приготовление еды. А я посижу в кресле: отсюда лучший вид на квартиру – буду все комментировать.

Бабушка бросила резиновые перчатки внучке, достав их из шкафа. Юлия в недоумении начала натягивать перчатки на пальцы с дорогим маникюром.

– Ладно, мои дорогие, сейчас я вам покажу, как это надо делать! – сказала девушка своим подписчикам и принялась неумело убирать в квартире.

Юля пылесосила, подметала, неуклюже работала шваброй. Бабушка все это снимала и комментировала, подкидывая внучке все больше и больше заданий.

– А вот тебе тряпочка, моя дорогая, вытирай пыль, – с улыбкой говорила Ирина Викторовна.

Юлия была явно недовольна, но на камеру улыбалась и терпеливо сметала пыль на подоконнике.

– И вот еще по углам, – указывала бабуля внучке.

Уже уставшая блогерша комментировала на камеру:

– Да я по уборке первая! Мэри Поппинс за мной не угнаться!

Юля сняла перчатку и с ужасом обнаружила, что сломала ноготь. Еле скрывая разочарование, она продолжила уборку.

– А может, уже соберемся и поедем по бутикам? – спросила Юлия, дотирая последний пыльный угол.

– Нет, дорогая, тебя ждет борщ, а бабуля тебе поможет в этом своими наставлениями, – сказала Ирина Викторовна и стала доставать продукты, продолжая снимать все происходящее. – Ну давай, внучка дорогая, начинай подготавливать овощи.

Юлия, уже изрядно устав, принялась чистить и резать картошку, морковь, лук, часто попадая ножом по собственным пальцам.

– Отлично, хорошо, – приободряла ее бабуля. – Теперь капусту порежь и начинай делать поджарку, это самое глав-

ное. Потом кусок старого сала, рассол и сахар добавь в эту поджарку и томатной пасты побольше. Вот, молодец, затем зелень помой, чеснок почисти и яйца отвари, порежь все это, и почти готово, – комментировала Ирина Викторовна.

Юлия спотыкалась, обжигалась, резала случайно пальцы. Бегая по кухне, она еле поспевала за наставлениями бабушки. Сильно утомившись, девушка наконец доделала борщ, обильно его посолив и поперчив, и упала на диван рядом с бабушкой, сказав:

– Теперь, ба, я понимаю тебя и маму, как вы устаете от всего этого. Какая это тяжелая работа! Мои дороги подписчики, знаете, наверное, сегодня мы никуда больше не поедем, – вздохнула Юлия и закончила свою видеотрансляцию.

– Вот и отлично, – согласилась бабушка.

Вдруг они услышали звонок в дверь. На пороге стоял Евгений с большим тортом, огромными пакетами и тоже с цветами.

– Привет, бабуля, как дела? Я тебе продуктов привез, как всегда, и все, что ты любишь. Решил не ждать выходных, приехал сегодня.

– Ой, внучек, спасибо тебе большое, как приятно! – воскликнула Ирина Викторовна и, взяв цветы, поставила их к остальным двум букетам.

– Бабуль, я тут хотел с тобой обсудить один супервыгодный инвестиционный проект, – сказал Евгений, проходя из коридора в комнату. Но тут он увидел сестру Юлию, лежащую без сил на диване, с паутиной на голове и размазанной томатной пастой по модной кофте.

– О, а ты что здесь делаешь? – удивленно спросил парень.

– Да вот, Женечка, пришла бабушке помочь убраться и приготовить покушать, – ехидно ответила Юлия. – В отличие от тебя я не попрошайничаю на всякие вечно убыточные проекты, – продолжила она.

– Да я не за этим вообще! Я вон бабуле продукты привез. Я, кстати, всегда их привожу ей, в отличие от тебя, а вот ты тут первый раз за целый год, это точно, – огрызнулся Евгений.

– Какой первый раз? Я чаще бабуле звоню, чем ты, вот это – точно! А еще я зарегала бабушке аккаунт в инсте и поделюсь с ней своими подписчиками, – важно заявила Юлия.

– Да кому нужны твои подписчики?! Ты бы лучше ухаживала за бабушкой почаще, как я, например, – не останавливался Евгений.

– Хватит, внучата мои, не ссорьтесь, – прервала их бабушка. – Давайте есть садитесь, вон Юлия какой борщ сварила, вкусный, должно быть.

И они сели за стол, бабушка налила борща и поставила перед всеми тарелки. Нарезая хлеб, Евгений продолжил:

– Бабуль, ну правда, я знаю, тебе пока не до инвестиций, но я реально нашел такую тему, что можно будет все твои деньги приумножить! Я не прошу у тебя просто так, я хочу заработать нам обоим, я не какой-нибудь халявщик, как некоторые! – Парень посмотрел с укоризной на Юлию.

– Кто халявщик? На себя взгляни! – ответила Юлия. – Я, в отличие от тебя, не профукивала все мамины сбережения! Да и зачем бабушке вкладывать в непонятные проекты, у нее денег будет на несколько жизней «ничегонеделания», только если не свяжется с таким, как ты, тогда точно ничего не останется.

– Ладно, дети мои, попросила же не ссориться, – снова прервала их бабуля и добавила: – Когда я ем, я глух и нем. –

И, положив ложки перед внуками, присела сама рядом.

Женя и Юля с аппетитом посмотрели на борщ, остудили первые набранные ложки и, одновременно проглотив еду, скривили свои лица. Евгений подбежал к раковине и выплюнул борщ в раковину.

– Ужас какой, тебя что, не учили, как правильно солить борщ? – сердито крикнул он сестре.

Бабуля сделала то же самое – выплюнула борщ в раковину.
– Ну, первый блин комом, как говорится, – сказала она.
Юлия, сильно морщась, проглотила эту ложку борща и хмыкнула:

– А мне нравится, соленький такой, под пивасик самое то.

– Что ж, дети мои, мне к нотариусу еще надо сегодня успеть: у нас созвон с германским коллегой. Я вас провожу, – произнесла бабушка, и они вместе собрались и спустились вниз.

Ирина Викторовна прихватила с собой борщ, аккуратно разлив его в миски дворовых собак.

– Я подвезу тебя, бабуля, – предложил Евгений. – Не надо

тратиться на Майбах.

– Да? А я так привыкла уже к нему, – вздохнула бабушка. – Ну ладно, только никаких разговоров об инвестициях, хорошо?

Она попрощалась с Юлией, которая без сил еле села в свою машину и уехала. Бабушка и Евгений направились к нотариусу. Парень всю дорогу молчал, затем высадил бабулю возле нужного ей офиса, а сам поехал по своим делам.

Прошло несколько дней. Бабушка звонила своим родственникам каждый день по несколько раз: теперь на звонки отвечали все, на первом же гудке, и Вячеслав Викторович во время совещаний в мэрии.

– Извините, полпред звонит, – говорил он, прерывая собрание, брал трубку и ласковым голосом разговаривал с бабулей.

Юлия тоже прекращала свои трансляции и записи блогов и так же заботливо разговаривала с бабушкой. Евгений, рассказывая об очередных проектах своим возможным бизнес-партнерам, так же брал трубку на первых секундах звонка, уходил в сторону и уважительно беседовал с бабушкой.

– Привет, любимая, продукты закончились или еще что-то? Давай, может, завтра куда-нибудь съездим погулять? – с волнением спрашивал Евгений.

Не звонила лишь одна Марина Павловна, выжидая непонятно что.

Этим же вечером вся семья сидела за столом, Ивановы обсуждали будни.

– Как дела у всех? – спросила Марина Павловна.

– Да ничего, отлично, – ответила Юлия. – Меня бабушка научила варить борщ в прямом эфире, столько новых подписчиков появилось после этого! Надо будет попросить ее еще чему-нибудь меня научить.

– Ты что, была у бабушки? – удивилась Марина.

– Ну да, а че, нельзя? – пожала плечами Юлия. – Вон Женечка тоже был, – продолжила она ехидно, – все на свои бизнес-проекты попрошайничает.

– Ты тоже был? – еще более изумленно спросила Марина.

– Ну я это, я всегда к бабушке заезжаю, – испуганно ответил Евгений. – Я же ей вообще-то продукты завожу раз в неделю.

– Да, но по выходным, – добавила Марина. – А это будний день был.

– Мам, ну у меня такая тема новая появилась, я ищу ин-

весторов, – продолжил отмазываться Евгений.

– Да знаю я твои темы, ты мне когда мои инвестиции вернешь, кстати, которые ты у меня одолжил на свой предыдущий проект? – с претензией спросила Марина.

–

Да вот, скоро, как следующий проект замучу, так и верну, – растерянно сказал парень.

– Нормальная у нас семейка лгунов, – усмехнулась Марина. – Первый Славочка, затем вы следом, и все вокруг бабушки пляшем, да?

Юлия и Евгений с удивлением посмотрели на Вячеслава Викторовича.

– Ты тоже был у нее? – воскликнула Юлия. – А я-то думаю, откуда у бабули такой огромный и, видимо, дорогой букет роз.

– Да и не дорогой вовсе, – ответил смущенно Вячеслав Викторович.

– Да-а-а? И насколько дорогой букет, Юлия? – спросила Марина Павловна.

– Ну не знаю... Там было больше пятидесяти роз – точ-

но, – сказала Юлия. И добавила: – Такие, на длинной ножке, самые дорогие которые.

– Вот так значит, Славочка! Мне даже таких букетов не дарил, все ясно с тобой, – рассердилась Марина.

– Да я по скидке его купил, тем более бабушке, может, и недолго жить осталось, а у нее никогда таких букетов не было, – стал оправдываться Вячеслав Викторович.

– Мам, ну что ты на папу гонишь, захотел и купил. Мы все с цветами к ней приходили: действительно, мало ли, вдруг и впрямь не станет бабушки скоро, а так мы ей приятно сделаем, – заступился за отца Евгений.

– Ну, вы все тоже хороши, говорили одно, а за спиной у меня делаете совсем другое! – продолжала возмущаться Марина. – Такие, значит, да?

– Какие? – спросил Вячеслав Викторович.

– Лицемеры и вруны, – ответила Марина. – Хотите все бабушкиных денежек, а мне тут втираете про любовь и заботу. Так слушайте меня, родственнички, – разъяренно сказала Марина, – наследство будет моим, понятно?! Это моя мама, и меня она любит больше всех, что бы между нами с

ней ни было.

– Ну, это мы еще посмотрим, – заявила Юлия. – Ты меньше всех с бабушкой проводила время, как и со мной, в общем-то. Вечно детишек только учишь на своей работе!

– А ну закрой рот, соплячка неблагодарная! – прервала ее Марина. – Ты что тут такое несешь, совсем берега попутала?

– Ну ладно, Мариша, успокойся, – встрял в разговор Вячеслав Викторович.

– А ты мне рот не затыкай, Славочка, с тобой мы еще отдельно поговорим, ловелас с букетом, иди спать лучше, тебе завтра на работу, – отрезала Марина.

– Я сам разберусь, куда, когда и во сколько мне идти, – повысил тон Вячеслав Викторович.

– Мам, ну правда, ты чего? Мы же семья, что, мы не разберемся между собой? – попытался утихомирить маму Евгений.

– Ты, бизнесмен хренов, иди лучше думай, как мне деньги вернуть, и быстро! – разозлилась сильнее прежнего Марина Павловна. – Я сказала: еще раз кого-нибудь увижу у бабули

– вам конец, ясно?! – Накапав себе валерьянки, она продолжила: – Это моя мама, это мое наследство, зарубите себе на носу.

– Это мы еще посмотрим, – повторила Юлия и убежала в слезах к себе в комнату.

– Мам, что с тобой, не понимаю тебя... – сказал Евгений, тоже выходя из-за стола, так и не прикоснувшись к еде.

И Вячеслав молча встал и, демонстративно швырнув полотенцем в тарелку, ушел к себе в спальню. Марина Павловна осталась одна на кухне: расплакавшись, она села за стол и налила себе рюмку коньяку.

На следующий день в дверь бабушкиной квартиры позвонили. Ирина Викторовна посмотрела в глазок: на пороге стояла ее дочь.

– Здравствуй, мама, можно войти? – строгим голосом произнесла Марина.

– Конечно, дочка, заходи! – ответила бабушка.

– Мама, ты зачем устраиваешь этот цирк? – спросила Марина, проходя в комнату.

– Какой цирк, цветочек? – непонимающе вздохнула Ирина Викторовна.

– Зачем ты устраиваешь этот марафон и зачем всех нас ссоришь? – продолжала Марина.

– Я всех ссору? – удивилась бабушка. – Вы же дружная семья, не повернутая на деньгах, и все очень любите друг друга, как я могу вас ссорить?

—Это твоё завещание с нелепыми условиями, это же специально, да? Чтобы мы все поругались и бегали за тобой? – не унималась Марина.

– Нет, милая, ругаться – не было задумки такой, это уже ваше поведение. Я лишь хотела чуточку внимания и заботы, чтобы вы не забывали обо мне, – ответила бабушка. – А что у вас происходит, я и знать не знаю.

– Мама, ты же знаешь, как я тебя люблю и как мне самой не хватало твоей заботы и твоего внимания в детстве, – расплакалась Марина.

– Марина, доченька, но ведь я работала на трех работах сразу, в отличие от тебя сейчас, и была одна, без мужа, твоего отца, – напомнила ей Ирина Викторовна. – Конечно, я не могла найти для тебя столько времени, потому что после ночной смены мне нужно было вести тебя в садик, а я очень хотела спать и валилась с ног от усталости. Я ведь еще тянула семью своего покойного брата, который погиб на фронте. Кстати, племяншки – давно их не навещала, у них тоже, как и у вас, нет свободной минутки, чтобы позвонить своей тете.

А ведь я их так же обеспечивала, как и тебя. Их мама с инвалидностью совсем была не трудоспособная. А вот ты, моя дорогая, меня быстро позабыла после своего института: гулянки, подружки, мальчишки твои забрали все твое время, и сейчас, когда у тебя не так и много забот, ты не вспоминаешь про меня.

– Мама, я тебя очень люблю, – еще больше разрыдалась Марина и обняла Ирину Викторовну.

– Я тебя тоже, доченька, – сказала та и тоже обняла дочь.

– Может, ты не будешь ставить эти свои условия? – спросила, вытирая слезы, Марина.

– Может, и не буду, дорогая, – ответила женщина. Марина хитро улыбнулась.

– А может, и буду, – вдруг добавила Ирина Викторовна, и Марина вновь впала в истерику. Мать достала платочек и начала успокаивать свою дочь.

– Давай подуй в платочек, сейчас все сопельки выдуем, – сказала Ирина Викторовна.

– Мама, не надо платочек, я что, ребенок из детского са-

да? – грубо осадилла Марина свою мать.

– Конечно, не ребенок, милая, хотя сценки изображаешь детские почему-то, – улыбнулась бабушка.

– В общем, так, мама, не перестанешь устраивать свои гонки, можешь потерять и меня, и свою семью, – резко сказала Марина. – Я тебя предупредила. Мне пора на работу, я поехала.

– Хорошо, дорогая, как скажешь, – ответила Ирина Викторовна, – спеши, а то детки без тебя в садике без воспитания должного останутся. – И она повернулась и пошла на кухню. – Мне еще приготовить надо, у меня сегодня званый ужин будет.

Марина молча оделась и ушла не попрощавшись.

Вечером она сидела в доме одна: все члены семьи куда-то подевались. В одиночестве женщина пересматривала фотографии из своего детства. Тем же вечером у бабушки собрались все члены семьи, кроме Марины. Пришла и подруга Ирины Викторовны – Серафимовна. Все ужинали и весело обсуждали разные темы. Вячеслав Викторович шутил и улыбался. Юлия снимала видео и выкладывала ролики в социальные сети. Женя рассказывал о бизнес-идеях, на которых можно хорошо заработать.

– Ой, не знаю, Женечка, – улыбнулась внуку бабушка. И

обратилась к подруге: – Серафимовна, может, на Гавайи рванем или в Таиланд?

– Да ты еще вступи в наследство, – сказала Серафимовна. – Тебе на следующей неделе в Германию лететь.

– Ой, кстати, да! – вспомнила бабушка. – Так, может, со мной в Германию махнешь? Завтра поедем визы откроем, я нашла, где их быстро оформляют, кстати, звонила сегодня туда.

– Может, я с вами? – волнуясь, спросил Вячеслав.

– Или я? – с надеждой вставила Юлия. – Я тоже там не была.

– Да не нужно, мои дорогие, у вас столько забот, хлопот, – ответила бабушка.

– Да что ты, какие заботы! Ты – наша главная забота, – сказала Юлия.

– Мы с Серафимовной съездим, все оформим. Давайте лучше в лото играть, – предложила бабушка.

– Ура! Лото! – обрадовались все.

– Может, по сто евро за бочонок поставим? – сказала ба-

бушка улыбаясь.

– Да нет, бабуля, откуда у нас такие деньги, – усмехнулся Евгений, наливая чай.

Марина в одиночестве сидела дома и решила зайти в соцсети. Там она увидела пост Юлии с видео, на котором все остальные члены семьи играют в лото у бабушки дома.

– Смотрите, мы играем в настоящее лото, – комментировала Юлия, – бабушка предложила добавить пару нолей к существующим ставкам и начать со ста евро за бочонок. Вот так бабуля! А вам слабо, дорогие подписчики? – смеялась в эфире девушка. И все остальные – Женя, Вячеслав, Серафимовна, – восторженно смеясь, скандировали: «Бабуля! Бабуля!»

Марина, увидев это, бросила телефон в стенку, за ним следом полетела кружка с чаем. Женщина просидела полночи в раздумьях, по щекам ее текли скупые слезы.

На следующий день Марина Павловна молча куда-то собралась. Все домочадцы были очень удивлены, каждый пытался с ней заговорить, но женщина вышла из дома, не проронив ни слова.

Марина снова отправилась к матери. Ирина Викторовна открыла дверь: перед ней на пороге стояла как будто совсем другая женщина – Марина улыбалась, глаза ее сияли.

– Мамочка! – воскликнула Марина. – Я все поняла! Как я была не права, как я тебя обделяла вниманием и не замечала последние годы... Прости меня, пожалуйста, я исправлюсь, обязательно исправлюсь и стану настоящей любящей дочкой.

– Как хорошо, что ты все осознала, доченька, но я и не обижалась особо, – сказала бабушка. – И все же сказанные слова это одно, а поступки – другое, и время покажет, поняла ты или нет.

– Конечно, покажет, милая моя мамочка! – ласково произнесла Марина. – Я, кстати, взяла отпуск на всю неделю и хочу провести его только с тобой. Давай поедem куда-нибудь отдохнем?

– Ты же знаешь, я завтра улетаю в Германию на подписание документов, а вот потом можно будет провести время вместе, – спокойно ответила Ирина Викторовна. – Можешь как раз отвезти меня завтра в аэропорт, давно ты меня никуда не возила.

Марина радостно согласилась. На следующий день она отвезла маму в аэропорт.

– Ну, прощаться не будем, провожать меня дальше не

нужно: меня там уже нотариус ждет, – сказала Ирина Викторовна.

Дочь ее поцеловала и покрестила в дорогу. Бабушка вышла из машины, взяв чемоданчик «Прада», и направилась к зданию аэропорта.

Марина приехала домой, там на кухне были все члены семьи. Она зашла и торжествующе сказала:

– Бабушку отвезла в аэропорт, она полетела за моим наследством по завещанию! С вами я говорить пока не буду, вы этого не стоите. И подумайте над своим неправильным поведением.

Все смотрели на нее молча, пораженные тем, как сильно изменилась Марина Павловна.

– Да, в общем-то, можешь с нами и не разговаривать, – наконец нарушила тишину Юлия. – Хм... Подумаешь! – И пошла к себе в комнату, забыв свой телефон на столе.

Женя быстро допил свой чай и направился на выход со словами:

– Не узнаю тебя, мама.

Вячеслав Викторович молча удалился, посматривая на часы.

Марина Павловна осталась одна на кухне. Когда она увидела телефон Юлии, то подошла к нему, разблокировала и, на секунду задумавшись, написала СМС бабушке: «Сдохни, тварь!» Положив телефон на стол, пошла к себе в комнату. На полдороге она остановилась и, испытывая угрызения совести, вернулась к телефону и начала строчить еще одно СМС: «Извини, бабуля, не тебе писала, ошиблась номером». Положив телефон на место, Марина снова отправилась в комнату, но на полпути опять притормозила, задумалась, быстро вернулась и со злобным выражением лица вновь принялась писать бабуле: «А, нет, все правильно: тебе, старая, писала, тебе!» И довольная, с улыбкой на лице, она решительно зашагала к себе в комнату.

Вячеслав Викторович поехал на работу. После очередного совещания он остался один в кабинете и позвонил доктору из министерства.

– Здравствуйте, Николай Петрович, тут такое дело деликатное... Я знаю, какой вы занятой, просто хотел проконсультироваться с вами. У жены моей небольшие отклонения последнее время наблюдаются, не очень хорошо начала себя чувствовать. Не могли бы вы мне посоветовать грамотного психиатра? Да, спасибо большое, найду его. И еще вопросик: а если совсем будет дело плохо, к вам можно будет положить ее в стационар? Конечно? Отлично, все понял! Очень наде-

юсь, что до этого не дойдет, но я больше за детей переживаю – агрессивная стала, сам поверить не могу, молюсь ночами за нее. Ну, не буду отвлекать вас больше, спасибо еще раз. Ой, а какие таблетки посоветуете? Впрочем, думаю уже поздно таблетки пить, думаю, уже нужны кардинальные меры... Ну, всего вам доброго, Николай Петрович, еще раз спасибо! – договорил Вячеслав Викторович и радостно положил трубку. – Ну, посмотрим, кто кого! – сказал он и довольный вышел из кабинета.

Юлия сидела с подругой в кафе торгового центра и рассуждала:

– Прикинь, Снежа, сто девяносто лямов! Если я их получу, по ее завещанию, а мы с бабулей вот так вот, – она скрепила указательные пальцы, – мы такое сможем с тобой намутить!

– Да крутяк, только надо самой заботливой стать, это же так легко, – ответила ей подруга. – Это типа лол, ну типа чипато, ну типа... супер чипато! – засмеялась подруга Юли, которая была сильно моложе ее. – Там разные шоколадки бабуле твоей дарить, на дискач брать, на маски для лица ходить вместе, класс.

– Ты че, дура? Какой дискач, какие маски с бабулей? – напряглась Юлия. – Это типа надо за аккаунтами ее следить,

фолловеров за нее подписывать. Хотя... – Она задумалась. – Может, и правда на дискач сводить? Надо подумать. А че, это чипато будет: бабуля на дискаче! Надо замутить такое, отличная идея, Снежа! Дай пять! – обрадовалась Юлия, и они с подружкой хлопнули друг друга по ладоням.

– Только вот надо еще подумать, как устранять конкурентов будем, – вновь заговорила Юля. – Наследство она хочет оставить только кому-то одному из нашей семьи, хотя и угрожала, что может вообще любому эти деньги завещать. Прикинь, вообще любому, как так? Ну, это мы с нашими подписчиками враз придумаем, как соперников убрать. Только вот думаю, что про это никому не надо говорить пока, даже подписчикам, – сказала Юлия своей подруге и строго добавила: – Вообще никому, слышишь?

– Ну конечно, че я, дура, что ли? Сто девяносто лямов, такие бабки! За такое и убить могут, – ответила Снежа.

И они, расплатившись с официантом, пошли гулять по торговому центру. Девушки и не заметили, что за соседним столиком сидел довольно симпатичный мужчина, на вид около сорока лет. Он жил в одном с бабушкой подъезде и не раз видел семью Ивановых. Когда мужчина услышал разговор девушек, он просто офигел. И когда те ушли, хитрое лицо Степана (так его звали) расплылось в улыбке: он только

и повторял: «Сто девяносто ЛЯЛЯЛЯМОВ!!! Сто девяносто ля-мо-в, сто де-вя-но-сто ля-ля-ля-ля-мов!»

Через неделю бабушка прилетела из Германии. Дома ее ждала вся семья, в полном составе. С букетами разных цветов в руках Ивановы встречали Ирину Викторовну у подъезда.

Бабушка приехала на «Майбахе», и когда он остановился, из машины вышел сосед Степан в ярком костюме и направился открывать двери автомобиля, из которого появилась Ирина Викторовна в новых красивых нарядах. Ивановы стояли с удивленными лицами, недоумевая, кто этот молодой человек. Бабушка вышла, вся сияя от счастья. Когда она вместе с родственниками зашла в дом, сказала по-императорски:

– Позвольте представить: это мой фаворит – Степан. Прощу любить и жаловать. Мы с ним вчера познакомились наконец-то поближе, это мой сосед и давний поклонник, как оказалось. Славный молодой человек тоже любит Шекспира.

– Мама, ты нам никогда не говорила про Степана, – ошеломленно произнесла Марина Павловна.

– Так вы никогда и не спрашивали, – невозмутимо ответила бабушка и, сняв с себя красивый плащ, отдала его Степану, повелев:– Повесь вон там.

– Как слетали, мама? – вежливо спросил Вячеслав Викто-

рович. – Здравствуйте, Степан, – протянул он руку «фавориту». Тот пожал руку в ответ.

Позже, когда семья была уже за столом, Марина Павловна поинтересовалась:

– Так чем вы занимаетесь, Степан?

– Я пою в ресторанах и клубах, – важно ответил тот.

– Вот это да! А что вы поете? – с усмешкой спросила Марина. – Детские песни, наверное? – добавила она.

– И детские, и недетские, – ответил Степан, нежно посмотрев на бабушку.

– Он еще и звезда у нас, – заметила бабушка. – Он был в этом реалити-шоу, как там его, а, «Дом-2», да, Степан?

– А-а, «Дом-2», а я думаю, откуда такое лицо знакомое! – воскликнула Юлия.

– Ну, мы такие шоу не смотрим, – сухо сказала Марина. – Мы чуть поинтеллектуальней смотрим передачи, – продолжала она. – Да, Слава? – окликнула Марина мужа, который слишком увлекся едой.

– А? Что? Да я смотрел пару раз, – признался Вячеслав Викторович. – Интересные молодые люди ищут свою любовь, так ведь, если я не ошибаюсь? – спросил он у Степана.

– Да, именно так, – коротко ответил тот.

– А что, Степан, свою любовь, как я вижу, вы там так и не нашли? – снова встряла Марина.

– Там нет, а вот тут – видимо, да, – улыбнулся Степан, беря бабушку за ручку.

Евгений, заметив это, поперхнулся чаем.

– А вам сколько лет, Степан? – спросил он.

–

Мне чуть больше, чем вам, – ответил Степан.

– А вы знаете, сколько мне лет? – поинтересовался Евгений.

– Да, Ирина Викторовна мне про вас всех много рассказывала вчера вечером, – сказал Степан, уже целуя бабушкину руку.

И Евгений поперхнулся второй раз. Марина Павловна тоже скривилась и, подливая чаю Степану, как бы случайно разлила на него кипяток.

– Ой, простите, Степан, – лицемерно извинилась она. – Я такая неловкая.

– Да ничего-ничего... – держась за промежность и пытаюсь оттянуть штаны, еле выговорил Степан.

– Мама, все прошло хорошо? – с волнением и заботой спросил Вячеслав Викторович.

– Ты о чем, Слава? – спросила бабушка.

– Я о поездке в Германию, – уточнил Вячеслав Викторович.

– А, да, все хорошо, все успешно, так можно сказать, – ответила бабушка и восторженно объявила: – Через месяц, дорогие мои, я вступлю в наследство, а пока – вот еще один чек, который можно обналичить. Завтра я всех приглашаю в ресторан!

Все принялись аплодировать, коварно поглядывая друг на друга. Степан держал бабушку за ручку и так же восторжен-

но смотрел на нее.

– А теперь пусть Степан споет, – изволила бабушка, и ее «фаворит», подключив микрофон к колонке, начал петь песню из кинофильма «Двенадцать стульев», артистично крутясь вокруг Ирины Викторовны. Все члены семьи смотрели на Степана с презрением и недовольством.

Всю следующую неделю бабушка была как в раю. Каждый день ей звонили родственники, причем по несколько раз, присылали подарки и цветы. Водили по театрам и ресторанам, постоянно сыпались предложения провести день вместе, погулять на свежем воздухе. Бабушка порхала от счастья. Об этом она рассказывала своей подруге Серафимовне по телефону.

В один из дней вся семья ехала по городу в машине, Ивановы обсуждали Степана.

– Не нравится он мне, – сказала Марина. – Такое ощущение, что он знает, насколько бабушка богата.

– Вполне возможно, судя по его навязчивому поведению, – согласился с женой Вячеслав Викторович.

– А может, его это, бритвой по горлу и в колодец? – засмеялся Евгений, цитируя фразу из известного кино.

– Не знаю, он мне уж точно не помеха и не конкурент! – самодовольно сказала Юлия и добавила: – Как, впрочем, и вы! Кто, кстати, из вас писал с моего телефона бабушке «Сдохни, тварь»? Мне с ней полдня пришлось беседовать, объясняя эту непонятку.

– Ты о чем, девочка? С тобой все в порядке? – как ни в чем не бывало спросила Марина Павловна.

– Да, ты о чем? – удивился Евгений.

– Хорошо-хорошо, можете морозиться и дальше: все равно узнаю, кто это был. Держитесь у меня – теперь мой ход, – злобно сказала Юлия.

Проезжая мимо автосалона, Ивановы заметили, как в него в этот момент заходила бабушка в сопровождении Степана. Марина была за рулем и резко затормозила – так, что у всех откинулись головы. Она съехала с дороги, и все принялись наблюдать, как Степан и бабушка ходили вокруг машин и остановились возле кабриолета.

– Она же не купит ему машину?! – взволнованно воскликнула Марина Павловна.

– Не хотелось бы, – грустно сказал Евгений и добавил: – Она даже мне никогда не покупала машину.

– Очнись, она никому не покупала машину и никогда. Неужели же ему купит? Не может быть! – переживала Марина.

– Вот вам и не конкурент, – добавил Вячеслав Викторович, глядя на Юлию, которая сидела с приоткрытым ртом и ничего не могла сказать. Марина нажала на педаль, и они поехали молча домой.

Еще несколько дней на бабушку от всех членов семьи так и сыпались звонки, знаки внимания, предложения провести вместе время. Она их или игнорировала, или оправдывалась, что не может высвободить минутку, поскольку встречается со Степаном.

Все-таки в конце недели бабушка соизволила приехать на традиционный семейный ужин. Открылись ворота, и Ирина Викторовна со Степаном въехали во двор на кабриолете, возле которого они стояли в автосалоне. Ивановы стояли в дверях, открыв рты. «Это невероятно!» – думал каждый член семьи.

Бабушка и Степан вошли в дом.

– Ну как вам тачка? Это я Степану купила, за его любовь и преданность, – сказала Ирина Викторовна.

– Преданность за эту неделю? – тихо произнес Евгений.

– Что ты сказал, мой дорогой? – переспросила бабушка.

– Да так, ничего, – ответил Евгений.

– Отличный подарок, мама, – с улыбкой сказал Вячеслав Викторович.

– Бабуль, бабуль, любимая, тогда можно мне следующей такой же подарок? – подлизываясь, спросила Юлия.

– Посмотрим, внучка, я пока весь чек на нее потратила, но совсем скоро мы сможем покупать себе все, что захотим, – сказала бабушка. – Точнее, кто-то из вас сможет, а я вот больше не смогу: совсем плохо я стала себя чувствовать последнее время, еще и этот жеребец изматывает, – посмотрела она на Степана. – Дотянуть бы до вступления в наследство, а то и врачи неутешительное говорят...

– Мама, себя беречь надо, – ласково сказала Марина, пошла и обняла бабушку. – Я бы все свое здоровье отдала, чтобы ты не болела.

– И я! – восторженно добавила Юлия.

– Так вот, мои дорогие, – обратилась ко всем бабушка,

присаживаясь в кресло. – Я тут подумала насчет вас и завещания... Кстати, Степан тоже все знает и он тоже в числе претендентов на наследство.

При этих словах у всех снова открылись рты и глаза налились кровью.

– В общем, мои милые, – продолжила бабушка, – вы все такие хорошие, так внимательны ко мне последнее время, я даже и не знаю, кто из вас лучше ко мне относится, разве что Степан, – и бабушка расплылась в улыбке, взглянув на него. – Ну так вот, я тут подумала, что за деньги я себе могу много чего купить, но есть у меня одна мечта давняя, которую за деньги не купишь.

– И что это такое? – восторженно перебила Юлия. А все остальные немного напряглись.

– Я читала статьи всякие и храню эту тайну уже полжизни. Есть у нас в музее областном стульчик один – экспонат, по легенде это тот самый двенадцатый стул из истории Ильфа и Петрова, – сказала бабушка.

– Какие стулья, какой музей, мама? – удивилась Марина Павловна.

– Вот такой стул, всего один, и он же – двенадцатый! И уж

очень сильно я хочу такой исторической реликвией обладать и посмотреть сокровища, конечно, которые в нем находятся, – продолжила бабушка.

– Мама, так это из рассказа все, это же все придумано. И про стулья, и про графиню, – интеллигентно вмешался Вячеслав Викторович.

– Нет, Слава, ничего ты не знаешь, они эту историю из одной былины сложили, только свой конец написали, по-другому, а на самом деле это он самый, настоящий стул с сокровищами. В общем, он мне нужен, настоящий он или нет, – сказала как отрезала бабушка.

– Бабушка, ты что, предлагаешь нам украсть этот стул? – спросил Евгений.

– Называйте это как хотите, – ответила бабушка. – Эти музеи государственные, они такие упрямые и ничего, никогда, никому не продают.

– Да, это верно, мама, – мягко произнес Вячеслав Викторович. И продолжил: – Мама, но ведь это уголовная ответственность, по-моему, до восьми лет – за кражу госимущества. Довольно большой срок.

– На крайняк можно откупиться, – вступила в дискуссию Юлия.

– Какой «откупиться», глупая, – осадила дочь Марина Павловна. И обратилась к Ирине Викторовне: – Мам, ну ты чего выдумала? Какое воровство, каких стульев? Вспомни, с чего ты начинала? Куда тебя заносит?

– Все... Я все сказала – или стул, или... Степан, поехали! – скомандовала бабуля и засобиралась уходить. Степан быстро пошел за ней.

– Кстати, Степан не участвует в этом деле, он уже финалист, так что – только вы! – уже у порога заявила Ирина Викторовна. – И да – у вас три дня. Что-то я совсем плохо себя стала чувствовать, может, в больницу придется лечь на следующей неделе.

И они ушли. Семья осталась дома и принялась обсуждать услышанное.

– Не, я на такое не подписываюсь, – сразу сказал Вячеслав Викторович.

– Конечно, мы что, сумасшедшие? – добавила Марина Павловна.

– Ну я не знаю... – неопределенно буркнул Евгений.

– А че, почему бы и нет? Вариант-то хороший: украсть стульчик и получить такое бабло – дело на раз-два, можно и среди бела дня все провернуть. Я помню, так крутую картину увели из одного крутого музея, а тут непонятный стульчик из непонятного музея, – восторженно размышляла Юля.

– Я тебе дам, на раз-два! Я тебе семь лет не буду туда еду носить, – сказала Марина Павловна и добавила: – Только попробуй в это дело сунуться – из дома сразу можешь уходить, и в тюрьме подписчики про тебя забудут точно. Иди лучше к выпускному готовься, или чем ты сейчас занята, хоть бы на работу устроилась, блогер, называется.

И Ивановы разошлись спать.

На следующий день каждый из членов семьи, сославшись на придуманные дела, уехал из дома. Все они едва не столкнулись друг с другом в областном музее, куда отправились посмотреть на тот самый экспонат под вывеской «Стул графа Шереметьева». На выходе Марина Павловна чуть не напнулась на Юлию, которая с подружкой только что пришла в музей. Марина увидела дочь, но не стала себя выдавать – молча ушла. За этой сценой наблюдал сидевший на лавочке Вячеслав Викторович, а Евгений следил за всеми с помощью квадрокоптера.

Вечером у себя в комнате Юлия сидела с подругой и размышляла вслух, а Снежа комментировала ее рассуждения.

– Так, пришло время действовать, и понадобится помощь наших подписчиков, – нахмурившись, сказала Юлия.

– Не могу поверить, что твои предки решатся на криминал, – манерно произнесла Снежа.

– Да, думаю, что они, может, и не решатся, а вот тихоня Евгений – самый главный мой конкурент, – заявила Юлия.

– О, давай дадим его фото нашим подписчикам и скажем, чтобы они караулили твоего брата два оставшихся дня возле музея, типа он маньяк и типа это его любимое место для охоты ночью, – предложила подруга Снежа.

– Блин, классная идея! Давай так и сделаем. Думаю, днем мои родственнички не рискнут действовать, слишком много людей там, – сказала Юлия, и подруги хлопнули в ладоши друг друга и принялись размещать инфо в своих лентах: «Внимание! Маньяк», прикрепив фото Евгения.

Вячеслав Викторович, уединившись в своей комнате, набрал номер знакомого чиновника из наркологического диспансера.

– Алле, Николай Петрович, это вы? Да, помните, я го-

ворил вам про свою супругу? Совсем плохо становится ей. И что самое худшее – теряет над собой контроль, память у нее отшибает, агрессивная становится, с навязчивыми идеями всякими. Теперь у нее мания – ограбить наш областной музей задумала, представляете? Да, принимаю соболезнования, да, очень тяжело, нужна госпитализация! Что значит – не можете без ее согласия? А если она действительно ограбит музей? Ее посадят же? А, все равно к вам отдадут, точно. Слушайте, может, я и полицию попрошу, чтобы их ребята подежурили сегодня ночью в музее. Хорошо бы, чтобы и вы там сами были, чтобы с ней ничего там не случилось. Да, она именно сегодня ночью решила ограбить музей и ушла еще днем из дома, я не знаю, где она сейчас. Я ничего поделывать не могу, можем только там все вместе ее дожидаться. Она была очень агрессивна, ничего слушать не хотела. Да, нужна будет госпитализация, по-любому. Спасибо, мой дорогой, я в долгу не останусь. Да, конечно, вылечишь и отпустишь ее через недельку, а лучше месяцок. – И Вячеслав Викторович с довольным лицом положил трубку.

Этой же ночью. Марина Павловна красит лицо в темный цвет, надевает балаклаву, берет гвоздодер, кусачки и автономную дрель, кладет это все в сумку и под покровом ночи направляется к музею. Туда же идет и Евгений, облачившись во все темное, предварительно купив отмычки от дверей. Он двигается на полусогнутых ногах, на большой измене. Около музея в кабине авто сидят Вячеслав Викторович, группа

врачей и участковый. Они на расстоянии наблюдают за зданием. Юлия с подружкой находятся на крыше соседнего дома и ведут трансляцию.

– Итак, маньяк скоро должен быть здесь, – говорит Юлия. – Пожалуйста, мои дорогие подписчики, найдите и обезвредьте его, а то жизни не дает совсем. Буду вам очень благодарна. Только, пожалуйста, сильно не бейте его, он хороший, хоть и маньяк. Отведите его, пожалуйста, в полицию, пускай его там опознают.

Первой на горизонте появилась Марина Павловна. Она подошла ко входу и попыталась вскрыть двери музея, сверля дырку в замке, как вдруг из ниоткуда возникла бригада врачей в сопровождении участкового.

– Марина Павловна, успокойтесь, все будет хорошо, – сказал участковый. – Это врачи, и они пришли, чтобы помочь вам.

– Здравствуйте, Марина Павловна, а поехали с нами, мы дадим вам витаминку, – вкрадчиво произнес врач.

– Вы что здесь делаете? Какая витаминка? Я требую своего адвоката, отойдите от меня! – агрессивно начала возмущаться Марина Павловна.

И врачи, подойдя к ней, решили надеть на буйную «паци-

ентку» смирительную рубашку и потащили ее в узик. Она сопротивлялась и кричала, что найдет на них управу.

– Ну, Слава, решил всем сам завладеть, теперь тебе пиздец! – завопила Марина Павловна и еще больше начала верещать и брыкаться. Вячеслав Викторович, не выходя из машины, наблюдал за этим действием.

Так же за этой картиной издалека наблюдал и Евгений. Он не знал, что это кричит его мама, но, подбираясь среди кустов все ближе и ближе к музею, начинал узнавать ее голос. Испугавшись за Марину Павловну, Евгений заорал:

– Мама, я иду к тебе, а ну отпустите ее!

Тут же он получил увесистым кулаком в лицо, прямо из-за дерева, за которым стояли двое молодых и крепких людей.

– Ну что, маньячок, попался?! Будет тебе мама сейчас, – злорадно сказал один из них, глядя на вырубленного и лежащего на полу Евгения. Мужчины взяли его за руки и потащили к себе в машину со словами: «Отвезем его в участок, там ему самое место».

Юлия с подругой наблюдали, как Евгения волокут к машине. Прикусывая губы, девушки смотрели, как его небрежно бросили в багажник, при этом голова парня ударилась о крышку багажника. В это время в другой стороне площади Вячеслав Викторович продолжал наблюдать картину, как доктора и участковый запихнули Марину Павловну в узик и увезли ее в стационар.

Евгения в тот же час сдали в полицейский участок. Как оказалось, два парня, Юлиных подписчика, были сотрудниками полиции. Они сказали своим коллегам, что поймали маньяка, и попросили его тщательно проверить, задержав минимум на трое суток.

– Откуда информация, что он маньяк? – спросили сотрудники в отделении полиции.

– Информация из достоверного источника, – с гордостью ответили ребята в один голос.

Поздно ночью, почти под утро, дома встретились Юлия и Вячеслав Викторович. Они столкнулись на кухне: оба были голодны и хотели перекусить. Отец и дочь молча набрали себе еды и разошлись по своим комнатам.

На следующий день подготовка к штурму музея шла полным ходом. Вячеслав Викторович гладил спортивный костюм. Юлия гуглила, как отключить сигнализацию.

Евгений тем временем отмазывался в отделении полиции, что он не маньяк, проходя разного рода унижительные тесты и опознания.

Марина Павловна, прибыв в диспансер, не смогла обуздать свои эмоции, сильно кричала на всех вокруг и поэтому получила дозу успокаивающего лекарства в виде укола и уснула. Когда она проснулась на следующий день, сразу потребовала встречи с главврачом. После долгого и безрезультативного разговора с ним Марина Павловна попросила приехать участкового. Во время беседы она околдовала его, как

Миледи своего стражника в «Трех мушкетерах», и внушила впечатлительному мужчине мысль, что музей – это последний оплот демократии в стране и что его должны ограбить, что участковый обязан усилить охрану этого важного объекта, лично возглавив всю операцию, и только так он сможет заслужить любовь Марины Павловны и всеобщее признание. Перевозбужденный участковый ушел с навязчивой идеей охранять музей. Обо всем этом главврач рассказал Вячеславу Викторовичу, когда тот позвонил узнать, как дела у Марины Павловны.

– Знаете, как будто ее болезнь, эта навязчивая идея про ограбление музея, передается и другим, не знаю, каким образом! – воскликнул главврач.

– Вы, главное, ее там хорошо обследуйте и не торопитесь, – попросил Вячеслав Викторович.

Этой же ночью музей оказался под усиленной охраной в виде нескольких сотрудников ППС и участкового Петренко. Также по его инициативе директор музея впервые за все время включил все детекторы движения установленной давным-давно видеосистемы наблюдения. Участковый и его товарищи, сидя в машине, всю ночь ожидали попытки ограбления, поедая массу всего вкусного и бесполезного. Пончики, булочки, чипсы, шаурмачки, семечки... И под утро, в

четыре часа, когда, объевшись всего этого хлама, охранники все-таки уснули, наблюдавшие за ними все это время Юлия и Вячеслав Викторович принялись за дело и профессионально проникли внутрь музея. Юлия отключила сигнализацию на входе и камеры и зашла через вырезанное стеклорезом окно. Вячеслав Викторович спустился через вентиляционную шахту. Одновременно они оказались в зале музея перед заветным стулом, и оба увидели друг друга, а также моргающие детекторы перемещения. Юлия мастерскими движениями капоэйры с сальто, прыжками и шпагатами пробралась через все датчики. Вячеслав Викторович смотрел на это шоу, стоя на одном месте, не двигаясь, вывалив огромный живот из порванной в шахте кофты. Когда Юлия добралась до стула, она схватила его за ножки и сорвала с подиума. Увидев лицо отца, девушка скривила ему рожицу и посмеялась над ним: «Ха-ха-ха!» Вячеслав Викторович глядел на это с огромной грустью, и тут у него не выдержали нервы. Он побежал к Юлии сквозь все детекторы движения, те срабатывали один за другим, раздался звук сигнализации. Вячеслав Викторович подскочил к дочери и схватился за ножки стула. Юлия так же не отпускала две другие ножки. Оба начали тянуть стул каждый на себя.

– Доченька, ну зачем тебе стул? – нежно спросил Вячеслав Викторович.

– Не твое дело, – ответила грубо Юлия.

– Вот так растишь их, а они такие вот неблагодарные, стыдно должно быть, доченька, – процедил Вячеслав Викторович.

– Папенька, не учите меня жить, – прошипела Юлия.

В этот момент со словами «Стоять, не двигаться!» в зале музея появились проснувшиеся от сигнализации сотрудники ППС во главе с довольным участковым. Они увидели картину сражения папы и дочки за стул. Те же, не обращая никакого внимания ни полицейских, продолжали свою борьбу за экспонат и в один миг так сильно потянули его на себя, что буквально разодрали в щепки. Стул разлетелся на мелкие частички, Юлия и Вячеслава Викторович стояли, тяжело дыша, и смотрели на ошарашенных от происходящего сотрудников полиции. Придя в себя, те арестовали их и доставили в местный участок полиции. Где отец и дочь присоединись в камере к уже изрядно уставшему Евгению. Ночь они провели на нарах, не разговаривая друг с другом. Днем в камеру зашли участковый и директор музея в сопровождении Марины Павловны.

– Марина?! – удивился Вячеслав Викторович.

– Мама! Мама! – обрадовались Юлия и Евгений.

Марина смотрела на них пронзительным злобным взглядом и молчала. Потом строгим голосом сказала:

– Я же говорила вам сидеть дома и не лезть в мои дела! Всем говорила!

– Да, да, говорила, – с опущенными головами согласились все члены семьи.

– Теперь вы у меня все сядете и надолго, раз не хотели меня слушать, – продолжила Марина Павловна с непоколебимо суровым лицом.

– В общем, так, – вмешался участковый. – Мы тут обсудили с Мариной Павловной и решили вас отпустить.

– Отпустить?! – обрадовались все члены семьи.

– Кроме Вячеслава Викторовича, – добавил участковый. – Да шучу, шучу. – И улыбнулся. – Мы еще посоветовались с директором музея... Так как кража государственного имущества не состоялась, а произошла только его порча, мы решили переквалифицировать все в хулиганство. Возместите ущерб, три тысячи рублей, и свободны.

– О, три тысячи рублей всего? – удивились задержанные.

– Да это старый обычный стул, – начал говорить директор

музея, – его Нина Михайловна, наш завхоз, поставила еще тридцать лет назад на этот подиум. Придумала историю про него, что он якобы из тех самых двенадцати стульев, и ее напечатал журналист в местной газете, тогдашний жених Нины Михайловны. Так прикол и просуществовал все эти годы.

Директор музея улыбнулся и спросил:

– Вячеслав Викторович, а зачем вам понадобился этот стул? Мне, конечно, Марина Павловна рассказала, что у вас какой-то спор состоялся по поводу этого «экспоната», мол, кто его достанет первый, тот спор и выиграл, типа встряхнуть решили семейные отношения, в игру такую поиграть. Но можно же было и ко мне напрямую обратиться, я бы вам его и так продал бы тысяч за пять рублей, без всяких проблем. Все-таки не чужие люди вы нам в администрации, вон как часто помогаете.

Услышав слова директора музея про стул и пять тысяч, все члены семьи скривили лица от стыда и понимания, что они протупили.

– Да-да, это у нас игры такие в семье, чтоб не скучали, – вздохнув, сказал Вячеслав Викторович, разглядывая руки после наручников и выходя из камеры.

Вечером Ивановы сидели дома на кухне грустные, пытаюсь поесть без всякого аппетита, как вдруг в доме появились бабуля со Степаном. Она чувствовала себя не очень хорошо, жаловалась на свое состояние, но у нее был лишь один во-

прос ко всем: где ее стул?

– Слышала, в музее была заварушка, по новостям местным говорили, – сказала бабушка. – Ну что, где стул?

Все сидели за столом молча, сильно устав за эти дни.

– Да нет никакого стула, мама, – ответила с раздражением Марина Павловна.

– Как нет? – спросила бабушка. – А я слышала, что кто-то его сломал в музее, мой стульчик родной.

– Мама, это все сказки про стул, небылица, выдумка, – включился в разговор Вячеслав Викторович. – Это давно еще придумали работники музея, про эти двенадцать стульев, это все обман, нам все рассказал директор музея лично.

– Не хочу даже ничего слушать про это. Облажались и не достали мне мой стул, как я теперь без него жить буду? – с возмущением сказала бабуля.

– Мама, ну перестань, – попыталась ее вразумить уставшая Марина Павловна.

– Все!!! В общем, так, я все поняла, вам на меня напле-

вать. Только что я приняла решение: я буду завещать свое состояние моему Степану, – заявила бабуля. Степан улыбнулся и самодовольно посмотрел сверху вниз на всех членов семьи.

– Как Степану? – хором воскликнули Ивановы.

– Все, это решение окончательное и бесповоротное, – сказала бабуля и направилась к выходу, обратившись к своему поклоннику: – Пошли, Степашка, вот такие они бестолковые, мои члены семьи, совсем меня не любят.

И они покинули дом.

Семья осталась за столом. Вначале все молчали, но уже изрядно проголодавшись, они принялись поедать все, что видели вокруг на кухне. Они ели руками, как первобытные люди, с большим аппетитом, и смотрели друг на друга ярко горящими глазами, набирая темп и объемы поглощаемой еды. Переглядываясь, набивая рты, Ивановы становились похожи на каких-то зверей.

– Вы думаете о том же, о чем и я? – спросила у всех Марина Павловна, при этом у нее изо рта выпал кусок хлеба.

– Вивимо, да, мана, – непонятно произнес жующий с сильно набитым ртом Евгений.

– А помнишь, Женечка, ты говорил про один вариант со Степаном, фразой из одного известного кинофильма? А что, есть еще выходы на нужных людей? – подключился к разговору Вячеслав Викторович, держа сосиску во рту, как сигару.

– Вы что, хотите его?.. – спросила с улыбкой и размазанным тортом на лице Юлия.

– Ну, тогда все наследство по закону перейдет Марине Павловне, – продолжил Вячеслав Викторович, вытащив сосиску изо рта. – И я сразу предлагаю договориться всем вместе, здесь и сейчас: делим все поровну – и наследство, и уголовную ответственность!

– Я – за, – не раздумывая, с улыбкой на лице сказала Юлия и сдвинула крем от торта со щеки в рот.

– Я – за, – медленно дожевывая, согласился Евгений.

– Ну не-е зна-а-ю, – затянула на секунду с ответом Марина Павловна. – А, ладно, я тоже за! – И она злобно улыбнулась и засмеялась, а за ней и вся семья коварно и громко начала хохотать. Это было похоже на болезнь, Ивановых охватила золотая лихорадка, они безумно смеялись и продолжали набивать свои рты едой.

На следующий день Евгений нашел в даркнете на ресурсе по поиску наемных убийств под названием «Киллер Лук» в разделе «Киллеры Калининграда» подходящую кандидатуру: на фото с заретушированным лицом был ничем не приметный мужчина небольшого роста, скромно одетый, внизу значилось, что это киллер по имени Роман Геннадьевич.

– Вот, смотрите, можно будет потом, после выполнения заказа, его услуги криптой оплатить, так же «Киллер Лук» называется монета, – объяснил семье Евгений, склонившись над компьютером. – На их блокчейне они заморозят депозит, аванс ему сразу передадут, и после того, как он предоставит доказательства выполненной работы, мы нажмем кнопку «Подтвердить», и они переведут ему оставшиеся восемь тысяч баксов в их монетке. Вуаля! – обрадовался Евгений, разобравшись с незатейливым сайтом.

– Как-то мне он не очень нравится, – прокомментировала Марина Павловна, глядя на фото киллера с заретушированным лицом, смешно одетого и по фигуре не большого человека.

– Короче, в Калининграде только он, в Москве, может, и можно было бы повыбирать, но не у нас, – продолжил Евгений. – Вон тут написано: «Предпочитаемые способы убийства: зарезать ножом, убить из пистолета с глушителем, за-

бить руками под видом ограбления, устранить, подстроив автокатастрофу».

– Не, автокатастрофа сразу не, – сказала Юлия. – Тачку я хотела себе забрать. – И посмотрела на всех.

– Все способы какие-то с подозрением на заказное убийство, – отметил Вячеслав Викторович.

– Пусть руками его задолбит, – жестко произнесла Марина Павловна. Все с опаской взглянули на нее, и она мягче добавила: – Ну, на ограбление зато похоже будет – на нас точно не подумают, мы же драться так не можем. Вон Степан лось какой здоровый, попробуй его вырубить, пускай этот дрищ его и забьет. – И вся семья согласилась с выбором Марины Павловны.

– Все, я заказ разместил, предоплату сняли. Срок исполнения один день. Фото я отправил, адрес указал. Сидим и ждем, – довольно сказал Евгений, и Ивановы молча переглянулись, по очереди грустно вздохнув, а потом улыбнулись и с хорошим настроением, напевая песни, разошлись по своим делам.

Следующим вечером по темному опустевшему городу шел маленький молчаливый мужчина с саквояжем, в очень некрасивой одежде. Это был наемный убийца. Его лицо бы-

ло глуповатым, с дебильной улыбкой он шагал по улице, пытаясь по карте в телефоне найти адрес Степана. Отыскав его дом, киллер вычислил номер нужной квартиры и окна, которые к ней относятся. Через какое-то время в одном из них зажегся свет, в проеме окна появился Степан, он репетировал свою песню, громко распевая ее в микрофон под гремевшую из больших колонок музыку. Из соседних квартир слышался плач детей, испуганных этим шумом.

Забавной внешности убийца поднялся на этаж и позвонил в дверь. По ту сторону двери послышалось: «Кто там, че надо?» Это спрашивал прервавший свое пение Степан.

– Извините, не могли бы вы потише петь, у нас дети плачут, уснуть не могут, – сказал вежливо наемник.

– Да пошли твои дети знаешь куда?! – пробасил Степан, открывая двери, и с наглым выражением лица добавил: – Вали отсюда, чувак, я скоро съезжаю с вашей дыры.

– Вот и хорошо, – ухмыльнулся наемник, натягивая кожаные перчатки на свои руки. Он размял пальцы и шею и произнес: – Тогда тебе за детишек! – И с прыжка в развороте ногой ударил Степана, стоявшего вальяжно в своих широко распахнутых дверях.

Степан упал, но, быстро поднявшись, принялся защищаться от стремительно нападавшего киллера. Маленький наемник превратился в смертоносную машину восточных единоборств, в прыжке он добавил удар ногой, далеко оттолкнув пытающегося защититься и поставившего грамот-

ный блок Степана. Наемник продолжил серией ударов ногами и руками не хуже, чем профессиональные спортсмены в постановках с Джеки Чаном. Степан, к удивлению киллера, достойно держал удары, большинство из них он умело отражал, грамотно прикрываясь блоками и всем, что попало ему под руку. В непрерывном бою они переместились на кухню. В ход пошли кастрюли и сковородки, противники били ими друг друга. Степан в броске кинул киллера на стол, и они вместе перелетели его. Наемник ногой сбил со стола в сторону Степана стеклянные бутылки с маслом и приправами. Бутылки упали и разбились, один осколок угодил в лицо Степана, поцарапав его щеку, как Брюса Ли в фильме «Остров дракона». Степан на это разозлился и начал молотить киллера что есть мочи, бросая его на пол, поднимая снова, кидая в стену, одновременно отвешивая противнику увесистые оплеухи. Битва разыгралась не на шутку. Степан оказывал достойное сопротивление, и кухня и вся посуда вокруг разлеталась вдребезги, как и превращались в месиво лица участников драки.

– А ты не такой и debil, как я думал, мужик! – сказал киллер Степану, в очередной раз двинув ногой в его подбородок.

– Спасибо! Реалити-шоу – они такие, всему учат, – ответил без злобы Степан, поправляя прическу после удара. И

продолжил атаковать киллера.

Они обменивались ловкими апперкотами и хуками, мастерски делали броски, после которых вставляли красиво, как в фильмах про кунг-фу. У киллера получилось подняться с пола, оттолкнувшись от него руками, а у Степана так не вышло, и тогда, собравшись с силами, он встал другим, не менее эффективным способом и принял боевую стойку.

– Пряма как Джет! – восторженно сказал наемник. – Ты меня все больше удивляешь.

– Сейчас я тебя удивлю еще сильнее, – театрально произнес Степан и начал быстро приближаться к киллеру, пытаюсь ударить его ногой, но поскользнулся на ранее разбитой бутылке масла и с грохотом упал. В лицо наемника брызнула кровь Степана, неудачно приземлившегося, видимо, на огромный тесак. Киллер подошел к поверженному противнику, посмотрел и сморщился, сказав: «Блэк аут».

Этим же вечером Ивановы сидели дома у компьютера в нервном ожидании вестей от киллера. В секретный чат сайта наконец пришло сообщение: «Работа выполнена» и следом – фото мертвого Степана, лежащего в огромной луже крови. При виде снимка Евгения вырвало, у Марины Павловны закружилась голова, Юлия расплакалась. Вячеслав Викторович виновато уставился в пол. Придя в себя, Евгений

нажал на кнопку «Подтвердить» на экране компьютера и тем самым перевел оставшуюся часть денег за работу киллеру. Все молча разошлись по своим комнатам спать.

На следующий вечер к Ивановым приехала бабушка, обеспокоенная исчезновением Степана.

– Второй день не берет трубку! Он поехал домой и должен был вернуться, но машина под окном стоит, в квартире никого, – взволнованно сказала Ирина Викторовна. – Завтра собиралась в больницу лечь, болезнь-то моя прогрессирует, а Степушки моего все нет, куда же подевался?

Ее посадили в кресло и налили успокаивающий чай.

– Мама, а давай поужинаем, я сейчас на стол накрою, – предложила Марина Павловна.

– И правда, бабушка, давай поужинаем, найдется твой Степан, не переживай, – добавил Евгений.

– Может, он себе любовницу нашел и сбежал? – выдвинула версию Юлия.

– Что ты такое говоришь, наша бабушка лучшая, ее нельзя бросать, – сказала заботливо Марина Павловна.

– Ну давайте поужинаем, любимые мои, вы же не обижаетесь на меня, что я Степану все наследство завещала? – распереживалась бабушка.

– Да что ты, конечно нет! – в один голос ответили улыбающиеся члены семьи. Они сели за стол и принялись ужинать.

– Ой, как же вкусно, Мариночка, ты готовишь, лучше всех! Я бы каждый день такое ела, – довольно сказала бабушка.

– Мама, а может, к нам переедешь? Твоя спальня всегда тебя ждет, – вдруг предложила Марина Павловна. Бабушка расплылась в улыбке.

– Конечно, бабушка, переезжай как можно быстрее! – поддерживали идею Марины Павловны все члены семьи.

– А давайте поиграем в наше любимое лото, как раньше! – предложил Вячеслав Викторович.

И Ивановы стали играть: несколько часов напролет, кушая тортики, попивая чай, смеясь и радуясь как счастливая семья.

– Да, это хорошая идея, Марина, – сказал бабушка во время игры. – Я так долго этого ждала, вашей настоящей и бескорыстной заботы.

– Мама, ну конечно, мы вас любим! – воскликнул Вячеслав Викторович. – И очень были бы рады проводить с вами каждый день.

Бабушка расплакалась, и вдруг в доме потух свет. Большая кухня с окнами в пол погрузилась во тьму. Все остались сидеть на своих местах и принялись включать фонарики на телефонах.

– Сейчас я разберусь, – сказала Марина. – Или пробки выбило, или в районе электричество отключили, хотя странно: не было объявлений вроде...

Она проверила электрощиток – все было в порядке.

– Странно, все работает, – сообщила Марина Павловна, вернувшись к столу и присев. – Ничего, сейчас свечки найду и продолжим играть при свечах, так даже еще лучше будет.

Бабушка вспомнила, что потеряла Степана, снова стала набирать его номер, но абонент был недоступен. Ивановы переглянулись и виновато опустили головы. Вдруг все услышали шум за окнами дома.

– Кто там ходит? – насторожилась Марина Павловна.

– Не знаю, – пожал плечами Вячеслав Викторович.

– Ну ты слышал? – спросила Марина Павловна.

– Да, – ответил Вячеслав Викторович.

Евгений и Юлия тоже напряглись и начали всматривать-

ся в темное огромное окно у стола, за которым сидели все члены семьи.

Внезапно на улице зажегся фонарь, и высветилось окровавленное лицо стоящего прямо у окна какого-то очень бледного человека. Ивановы, дико испугавшись, вскочили со стульев и принялись кричать. Вячеслав Викторов вопил громче и звонче всех, второй по громкости была Юлия.

– Стойте, тише, тише! – крикнула Марина членам семьи, которые уже столпились у двери кухни, собираясь убежать.

Они обернулись и увидели за окном бледного, страшно-го, всего в крови Степана. Ивановы закричали еще сильнее и выбежали в холл. Только бабушка сидела, ничего не понимая, и говорила: «Боже мой, Степашка, что с тобой? Чего вырядился? Не Хэллоуин на дворе же».

Вдруг свет в доме зажегся, и в дверь позвонили. Члены семьи, пробегая в этот момент мимо входной двери, еще больше испугались и схватились за головы, крича от страха.

За дверью послышалось: «Откройте, полиция!» И бабушка подошла к двери и начала ее отпирать не глядя.

– Нет-нет, не открывай! – с ужасом закричали все члены семьи.

– Как не открывать? Там же Степашка мой, – удивилась бабушка.

– Не открывайте, не открывайте! – дико завопил Вячеслав Викторович и побежал вслед за остальными снова на кухню.

Когда бабушка все же открыла входную дверь, в дом зашли сотрудники полиции и показали ордер на арест в связи с организацией заказного убийства. Вместе с ними зашел задержанный под покойника Степан. Он пристально посмотрел на дико испуганных, скучковавшихся вокруг Марины Павловны членов семьи и сказал:

– Ну что, родственнички, доигрались, присядете теперь у нас все. – И злобно засмеялся.

– В чем дело, Степан? Кто куда присядет? Не поняла? – заволновалась бабушка.

– Да вы не переживайте, бабушка, вас это не касается, – заговорил сотрудник полиции.

– Тут есть и другие подозреваемые. Ваш внук Евгений, например. Именно с его аккаунта был осуществлен заказ на убийство. Замешана вся ваша семья, чему есть доказательство: фото, сделанное во время общения с исполнителем в секретном чате данного сайта. Вот так вот, ваша же камера на ноутбуке вас и фотографирует, программа такая есть специальная, – объяснил сотрудник полиции, показывая фото

всей семьи, которая находилась у компьютера в момент принятия решения об убийстве Степана.

– Надо же, – удивилась Юлия, – как за нами следят, оказывается.

– Так вот, – продолжил сотрудник полиции, – у нас есть показания Степана и снимки с аккаунта киллера, перевод денежных средств за заказ, в общем, весь состав преступления налицо. Так что готовьтесь к суду, а пока мы вас всех, кроме бабушки, задерживаем.

И полицейские принялись надевать наручники на неудавшихся преступников.

– Стойте, стойте, прекратите! – яростно начала возмущаться бабушка, хватаясь за сердце. – Не нужно, отпустите их! Степан, ну скажи же что-то!

– А что я? Бабушка, все – дело закрутилось, теперь вашу семью убийц посадят, надеюсь, и надолго, – радостно сказал Степан.

– Вы мне хоть можете рассказать, что вообще происходит-то?! Степан??? – не унималась Ирина Викторовна.

– А что происходит, бабушка? – переспросил Степан и стал вспоминать злополучный вечер, когда на него напал наемник – тот самый Роман Геннадьевич.

Когда Степан яростно дрался с киллером на кухне и в попытке его атаковать упал на разлитом ранее масле, красные брызги попали Роману Геннадьевичу прямо в лицо. Наемник подошел ближе и увидел, что Степан раздавил огромную бутылку кетчупа, который и стрельнул струей в киллера, а остатки растеклись на полу густой жижей.

– А красивая лужа крови получилась бы на фото, кстати, – сказал киллер и хотел было продолжить бить Степана, но сам поскользнулся на том же масле и упал рядом с противником.

Они лежали на полу в луже масла и кетчупа. Роман Геннадьевич начал наносить жесткие удары по лицу Степана, тот отвечал тем же.

– А все-таки вы нормальные мужики там, из «Дома-2». Удар держите, – похвалил соперника наемник.

– Да, держим, – ответил Степан и еще сильнее саданул киллера в челюсть.

– Ну, тогда получай! – и Роман Геннадьевич нанес серию

тяжелейших хуков по лицу Степана.

Тот заработал кулаками не менее проворно, повторяя при этом:

– На! Сам получай!

Они лежали оба на полу, еле дыша, и собирались с силами. Воспользовавшись паузой, Степан сказал:

– Слушай, мужик, у меня к тебе чисто деловое предложение. Вот сколько они тебе пообещали заплатить? Вот в три раза больше заплачу, только через месяц буквально. Будет у меня в шоколаде все скоро, смогу тебе без базара сумму данную вернуть, а если сможешь эту семейку убрать с моего пути, то еще столько же закину.

– А это уже интересно, – произнес киллер, снова врезав Степану по лицу.

– Да это более чем интересно, – сказал Степан и умудрился ногой ударить своего противника опять в челюсть. – Ну что, договорились? В три раза больше, плюс научу тебя вставать с пола, как Джет Ли, – радостно добавил Степан.

– Окей, – согласился Роман Геннадьевич и в последний раз хорошенько вмазал Степану.

– Ну, вот так вот и договорились, – тихо произнес Степан, глядя на Ирину Викторовну, которая слушала всю эту историю с широко открытыми глазами. В доме тем временем продолжался арест семьи.

– А потом я его победил, – повысил голос Степан. – Ваш киллер сдался, и мы с ним написали заявления в полицию об организации моего заказного убийства. Вот так, моя любимая, они хотели меня убить, твои драгоценные родственнички. – И Степан многозначительно посмотрел в сторону Ивановых.

Затем он снова перенесся воспоминаниями в день заказного убийства, рассказывая Ирине Викторовне, как лежал с киллером на полу в своей кухне и продолжал с ним договариваться.

– В общем, если тебе нужна помощь, чтобы убрать этих товарищей со своего пути к наследству, то я ментов одних знаю, они нам помогут в этом вопросе, – сказал Роман Геннадьевич, уставший драться. – Всю эту семейку в тюрьму засадят, и надолго, есть такая схема рабочая и мысли по этому поводу. Только как ты нам докажешь, что сможешь выплатить все эти суммы? – засомневался киллер в платежеспособности своего потенциального сообщника.

И Степан рассказал ему про наследство бабушки, ярко и красочно, закончив историю словами:

– Аж целых сто девяносто лямов! – И, немного подумав, добавил: – А если я вас обману, меня всегда грохнуть можно будет, причем в любое время. Этой семейке того только и нужно.

Степан и Роман Геннадьевич лежа на полу пожали друг другу руки.

Ирина Викторовна, дослушав рассказ Степана, огляделась по сторонам и увидела своих родственников, стоявших поодаль в наручниках. Она вспомнила дни войны, свой плен, ей стало плохо, и бабушка потеряла сознание. Все бросились к ней на помощь. Сотрудники полиции вызвали скорую. Близкие распереживались за бабушку.

– Да снимите с нас наручники, я начальник управления образования города, я с твоим шефом кофе пью в столовой, – начал говорить одному из полицейских Вячеслав Викторович.

– Давайте поможем бабушке, она в тяжелом состоянии, а потом будете разбираться с нами. Мы никуда не убежим, дайте доехать с ней до больницы хотя бы, – взмолилась Марина Павловна.

– Отпустите нас, мы с бабушкой хотим побыть, у нее страшная болезнь, – включив камеру телефона на запись и создав прямой эфир в сети для подписчиков, стала говорить Юлия.

Степан, увидев, как Ирина Викторовна потеряла сознание, начал прыгать от радости, повторяя одно и то же: «Сто девяносто лямов, сто девяносто лямов, сто девяносто лямо-о-о-в рублей!» А Юлия, услышав это, с грустью сказала: «Какой же ты debil все-таки, сто девяносто лямов евро». Она подошла к бабушке и взяла ее за руку.

Степан от услышанных слов – сто девяносто миллионов ЕВРО, не совладав со своими эмоциями, тоже упал в обморок. Когда приехала скорая помощь, медики забрали с собой и бабушку, и Степана.

Через некоторое время в больнице, в своей палате, Ирина Викторовна начала приходить в сознание, и в этот же момент очнулся и лежащий на противоположной койке Степан. Их замутненные взгляды наконец прояснились, и оба увидели, что у стен палаты стояли все члены семьи, представители полиции, киллер в своем ужасном костюме и несколько врачей.

Доктор, держа в руках результаты кардиограммы, сказал Вячеславу Викторовичу:

– К сожалению, на фоне нервного стресса ее болезнь усугубилась, и теперь время идет не на дни, а на часы. Увы, мы больше ничего сделать не можем, я ей это говорил все эти последние дни.

Бабушка, осознавая происходящее, обратилась ко всем своим родственникам:

– Дети мои, я так вас всех люблю, я очень плохо себя чувствую, дайте лишь высказаться.

Степан также окончательно пришел в себя и, увидев рядом лежащую бабушку, с улыбкой взял ее за ручку.

Ирина Викторовна продолжила:

– Дети мои милые... Степан, я тебя очень прошу снять все обвинения в адрес моих родных, они ни чем не виноваты, их просто бес попутал, как и меня некоторое время назад, когда я так хотела внимания моей семьи. Ты тоже, детонька моя, стал жертвой моей бесовщины, – добавила она, глядя на Степана. Тот лежал и улыбался, все еще держа ладонь бабушки в своей руке. Она сказала чуть громче: – Так вот, милые мои, нет никакого наследства!!!

– Как нет, мама? – спросила удивленная Марина.

– Как нет, бабушка? – воскликнула не менее пораженная Юлия, которая уже начала вести прямой эфир с одиннадцатью тысячами подписчиков с темой «Бабушка умирает!».

– Как нету? – хором спросили изменившиеся в лицах Степан, киллер и менты.

– Мама, что вы имеете в виду? – с улыбкой поинтересо-

вался Вячеслав Викторович.

– Вот так, нет никакого завещания! – усмехнулась Ирина Викторовна. – Я все это придумала после того, как посмотрела тот интересный фильм про наследство в Америке, там такая же семья была, только они любили свою бабушку и мать. И тогда я придумала тему про это мое наследство. Подговорила и подкупила своего Петеньку из пенсионного фонда, он и явился к вам в дом нотариусом названным. С ним вместе мы и документы сделали, и инсценировали полет в Германию.

В памяти бабушки мелькнули кадры из прошлого, как она покинула аэропорт почти сразу же, как туда вошла. И уехала с Петенькой, изображавшим нотариуса.

– А эти деньги твои? Вечеринки? Подарки, рестораны, «майбахи»? – ошеломленно спросила Марина Павловна.

– А это все то, что накопила за последние пятнадцать лет с пенсии плюс кредит, – сказала бабушка.

– Кредит? – переспросили члены семьи.

– Да, пришлось взять, когда тачку этому обормоту покупала, – ответила бабушка, посмотрев на ничего не понима-

ющего Степана. – А тот чек на пятьдесят тысяч евро, так он тоже поддельным был, у меня всего чуть больше двенадцати тысяч евро ушло на все наши пати и мои покупки, – пояснила Ирина Викторовна. – Так что хоронить меня за свой счет будете, уж простите. А кредит – так тачку можно вернуть, она все покроет.

Степан начал нервно тереть руку бабушки. А Вячеслав Викторович, который тоже никак не мог поверить в услышанное, все-таки спросил:

– Мама, это что, правда? Наследства никакого нет?

Она ответила:

– Нет, слава богу, нет никакого наследства. Можете все мои поддельные бумаги показать юристам, они посмеются. И хорошо, что нет никаких денег, иначе вы точно бы друга друга поубивали в итоге.

Степан в этот момент отбросил бабушкину руку в сторону.

– Я вот что вам хочу сказать: я действительно рада, что нет никаких денег. Потому что как изменились вы из-за них, я и представить себе не могла: что поругаетесь друг с дру-

гом, что столько будет лицемерия, даже на преступление решились – на кражу. Да что там кража! На убийство пошли – моего любящего деньги Степашеньку погубить хотели... А он не виноват, он таким вырос, просто хочет денюшков, и ему все равно, каким способом их получить, да, Степашка? – ехидно спросила бабушка у погрустневшего Степана.

– Просто вот так всю жизнь растишь вас, растишь, а потом минутки внимания не допросишься ни у кого, – вздохнув, продолжила говорить Ирина Викторовна. – Все вечно забывают о матерях своих и бабушках, даже позвонить времени не находят. Постоянно в делах своих гребаных, а самого главного не понимают, что важнее всего – те самые минутки, проведенные вместе со своими близкими, возможно, последние минутки в жизни вашего любимого, хоть вы это и забыли, человека.

Бабушка взглянула на всех, кто находился в комнате: у некоторых из них на глазах появились слезы. Так же, как и у многочисленных людей, смотревших эфир Юлии. Ирина Викторовна заговорила вновь:

– Просто представьте себе, что человека завтра не будет, а сегодня вы могли бы провести целый день вместе с ним: каким он будет, этот их последний общий день? Возможно, самым лучшим. И относитесь к своим близким – бабушкам,

дедушкам, матерям, отцам – так, как будто у них у всех есть миллион евро, а лучше сто девяносто. Как бы вы тогда к ним относились бы, а? Так же, как и обычно? Или все-таки находили бы больше времени на них? Чтобы радовать их, заботиться о них, делать им разные подарки или просто обнимать их бескорыстно.

Слезы на лицах слушающих наворачивались еще больше, кто-то уже начинал рыдать – тихо, стараясь не издавать звуков. А бабушка улыбнулась и слабеющим голосом произнесла:

– Я вот что вам хотела сказать напоследок: относитесь ко всем так, как и вы хотели бы, чтобы к вам относились люди, и уж тем более ваши родственники. Живите каждый день как последний в вашей жизни, любите друг друга и всех вокруг. И занимайтесь только теми вещами, что приносят вам удовольствия!

И бабушка тихо умерла.

Все находящиеся в комнате зарыдали взахлеб: и родственники Ирины Викторовны, и полицейские, и киллер, и Степан, и многие подписчики Юлии. Правоохранители развернулись и ушли вместе с наемником, что-то обсуждая и вытирая слезы. За ними молча последовал Степан. Ивановы же подошли к бабушке и склонились над ней, она не дышала. Врачи констатировали смерть.

Спустя месяц Марина Павловна, ее муж и дети сидели за столом в их прекрасном доме, собравшись поужинать. Они

производили впечатление любящей и счастливой семьи.

– Да... Мама преподавала нам хороший урок на прощание, – с грустной улыбкой произнесла Марина.

– Ирина Викторовна была мудрее и умнее всех нас и сплотила нас еще больше, – добавил Вячеслав Викторович.

– Это точно, – согласилась Юлия. – Мне так ее будет не хватать.

– Да, очень будет не хватать, – сказал Евгений, садясь за свой компьютер.

– Может, завтра куда-нибудь сходим? – поинтересовалась Марина Павловна.

– Да, давайте, – поддержали ее предложение все члены семьи.

Евгений включил компьютер и заметил на экране папку с названием «Хреново гуглили», которой там никогда раньше не было. Он открыл ее и увидел фото с реликвией бабушки, которую ей подарил немец, когда она находилась в плену. Над этой вещицей смеялась вся семья, и Юлия за семейным ужином говорила: «Да я ее гуглила, и она ничего не стоит, как и любовь твоего немца. Безделушка с блошиного рын-

ка». Евгений сказал всем:

– А подойдите на секунду сюда, тут происходит что-то интересное.

Все приблизились к компьютеру и начали смотреть на экран. В открытой папке были фото бабушкиной реликвии и ссылки на статьи из интернета. В них говорилось о том, что в прошлом году на аукционе Сотбис был продан редчайший раритет за пять миллионов фунтов. Отмечалось, что в мире есть лишь две такие уникальные реликвии, и владелец второй неизвестен, как и то, где находится эта вещьца. «А сколько могло бы стоить второе бесценное изделие?» – задавался вопросом автор статьи об этом аукционе.

Все посмотрели друг на друга и побежали искать реликвию среди вещей бабушки, на днях привезенных из ее квартиры.

– Подождите, я нашел тут еще один текстовый файл, – сказал Евгений. – Это письмо от бабушки.

Ивановы бросили копаться в вещах Ирины Викторовны, снова подбежали к компьютеру и с волнением стали читать послание бабушки.

«Дорогие мои и любимые, вы хреново гуглили. А я на-

шла информацию, что та вещь, которую вы все называли безделушкой, стоит пять миллионов фунтов. Последнее время наши отношения были, мягко говоря, напряженными. В тот день, когда я должна была отправиться в Германию, я улете-ла в Казахстан к своей подруге Никифоровне, реликвию то-гда я взяла с собой, еще не зная, что она стоит таких денег. Так как вы над этой вещицей смеялись и я была в обиде на вас, я решила оставить ее у Никифоровны и попросила, что-бы она отдала раритет тому, кто первым из вас за ним при-едет. Никифоровна младше меня, но характер у нее сквер-ный, надеюсь, проживет дольше меня и вы успеете у нее все забрать.

Удачи вам, мои дорогие!

С любовью, ваша бабушка и мама».

Все члены семьи переглянулись и побежали в свои ком-наты собираться.

– Я по делам поехал, – крикнул Евгений, заводя машину.

– Мама, а где мой загранпаспорт? – спросила Юлия, то-ропливо заталкивая вещи в чемодан.

– Не знаю, дорогая, – ответила Марина и, положив свой загранпаспорт в сумочку, спешно вызвала такси.

Вячеслав Викторович тихо и молча вышел из дома и побежал в неизвестном направлении.